

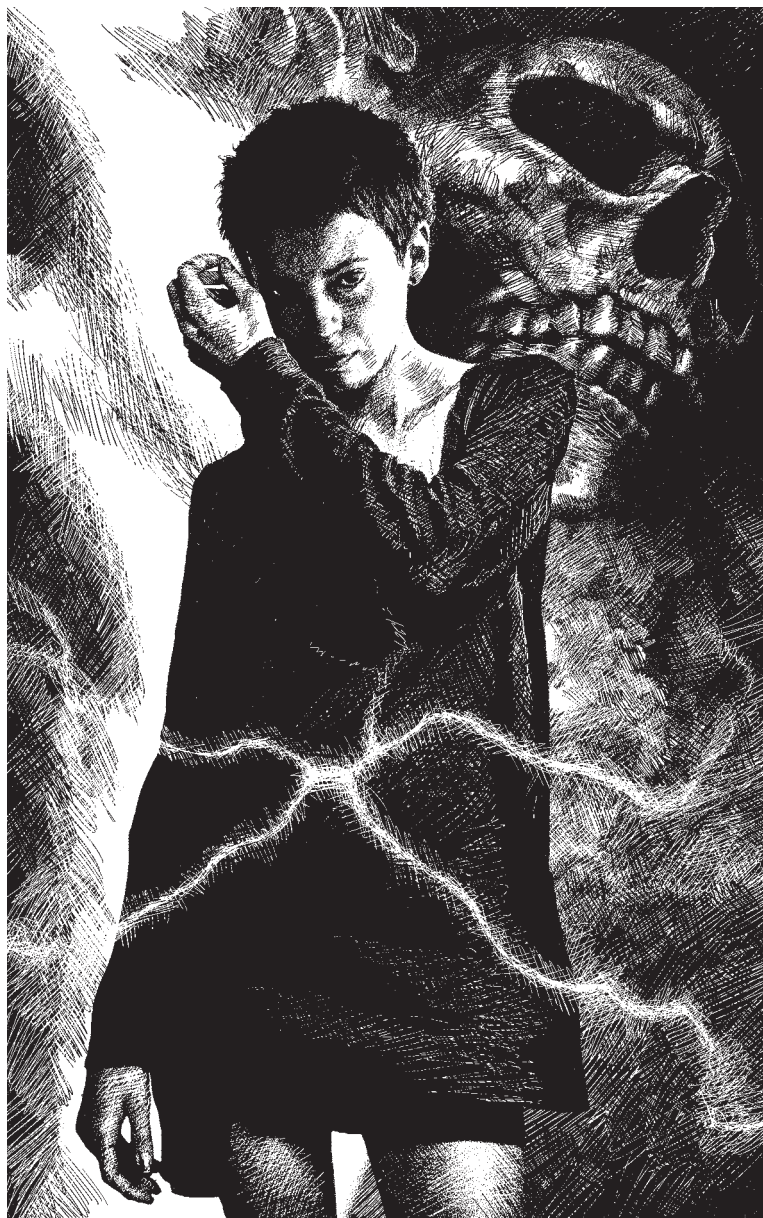
Кира Стрельникова

ТЯЖЕЛА УЧИТЕЛЬСКАЯ ДОЛЯ
ПРИНЦ ТЕМНЫЙ, ПРИНЦ СВЕЛЫЙ...
Я – НЕЧИСТЬ, ИЛИ КАК ВЫЖИТЬ СРЕДИ СВОИХ
ЛЮБОВНИЦА ДЕМОНА
УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОЙ... ВЕДЬМЫ
НЕ ИГРАЙТЕ С НЕКРОМАНТОМ
АВАНТЮРИСТКА ПОНЕВОЛЕ
НЕВЕСТА. СЧАСТЬЕ ПО КОНТРАКТУ
ПРАВИЛЬНАЯ ПРИНЦЕССА. ИНСТРУКЦИЯ ПО ВОСПИТАНИЮ
ДИКАЯ И ОПАСНАЯ

•
СКАЖИ МНЕ «ДА»
СКАЖИ МНЕ «ДА». ВОЗВРАЩЕНИЕ

•
АЛМАЗНАЯ РАДУГА. РУБИНОВЫЙ РАССВЕТ
САПФИРОВЫЕ ЗВЁЗДЫ. ИЗУМРУДНЫЕ ИСКРЫ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Кира Стрельникова

Дикая и опасная

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2017
ARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С84

Серия основана в 2011 году
Выпуск 251

Художник
В. Федоров

Стрельникова К. С.

С84 Дикая и опасная: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 474 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2362-0

Моя взрослая жизнь после окончания школы началась не очень весело: я и подумать не могла, что в восемнадцать останусь сиротой. Но судьба порой совершает удивительные повороты...

И вот вместо обычного института я студентка заведения, выпускающего дипломированных экстрасенсов, к тому же с очень интересным и редким даром. И хотя я не собиралась заниматься личной жизнью в ближайшее время, мой сосед по общежитию, а по совместительству еще и староста, имел на этот счет совсем другое мнение. Только несносного альбиноса с убийной харизмой мне не хватало для полного счастья! А уж когда выяснилось, что нас связывает нечто большее, чем просто случайное знакомство, и что работать мы после выпуска будем вместе...

Ловля вампиров, привидений и темных магов, раскрытие интриг, поиски потерянных артефактов — все это щедро одобрено нашим противостоянием. И кажется, вредный альбинос получает при этом истинное удовольствие! Что ж, работать с ним мне нравится, а вот что дальше — посмотрим.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Стрельникова К. С., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2362-0

Спасибо большое laki за активную помощь в написании текста и за консультации в вопросах рун.

ПРОЛОГ

Я щелкнула зажигалкой и прикурила, прикрыв огонек ладонью. Усталость навалилась свинцовой тяжестью от казавшегося бесконечным забега по улицам Питера. Такого родного и знакомого днем и преображавшегося ночью в лабиринт дворов-колодцев, узких темных улочек и широких освещенных проспектов в центре. Да вот только я была уже далеко от того самого центра, где и ночью не стихала жизнь, и теперь сидела в районе метро «Балтийская», где-то недалеко от Обводного канала, заняв стратегически удобное место у большого окна в подъезде с выломанным домофоном. Квадратный двор с окнами, в которых не горел свет и которые мыли, по-моему, последний раз в прошлом веке. Света в подъезде тоже не было, как и во дворе, что мне только на руку. У меня на перекур оставалось всего несколько минут, и я длинно затянулась, не забывая посматривать вниз. «Беретта» лежала на коленях, полностью заряженная, глушитель тоже на месте — незачем пугать мирных жителей разборками. Ну и да, в случае чего, самым любопытным сотру память — экстрасенс я или где, зря, что ли, три года в институте отучилась? Хотя, к моему огромному сожалению, пушка в моей ситуации вряд ли поможет — коллег убивать запрещено... Это я скорее по привычке, прочно укоренившейся в подкорке, без оружия на улицу не выходила, мало ли что.

В каком институте, спросите? Любопытном очень, который развивает паранормальные способности. Причем не понарошку, как многочисленные курсы по усилению чакр и натиранию нимба, чтоб сиял сильнее, а всерьез экстрасенсов выпускает.

— Соня-а-а-а! — раздался со двора протяжный довольный голос.

Я прошипела ругательство и резво вскочила с подоконника. Наполовину истлевшая сигарета полетела в угол, а «беретту» я успела подхватить, чтобы не загремела. Вот засранец, даже по-

курить не дал, а? Быстро бегают, гад. Пора делать ноги, хотя до конца я так и не отдохнула.

— Сонька, хватит прятаться, все равно достану, знаешь же, — снова заговорил мой персональный кошмар последних нескольких лет.

— На фиг пошел, — сквозь зубы процедила я шепотом, бросив в темноту последний взгляд перед тем, как рвануть вверх по лестнице.

Смотрела не глазами, а внутренним экстрасенсорным зрением — и сразу увидела две ярко светящиеся ауры. Одна была обычная, белая, с вкраплениями зеленого на фоне желтой окантовки, вторая, расцвеченная длинными языками насыщенного зеленого цвета, привычно переливалась густо-фиолетовым, практически сливаясь с темнотой. Зеленый, признак сенсов¹. Да, Тим тоже экстрасенс, только я классом повыше буду.

Стараясь не шуметь, начала подниматься по лестнице, перебежавшая через две ступеньки, благо кроссы на мягкой подошве гасили звуки, а в карманах куртки ничего не позвякивало — там только сигареты лежали, и все.

— Что, прячется опять? — подал голос приятель Тима и, к сожалению, мой напарник по ячейке Игорь. — Сонь, хватит бежать! Из этого двора только один выход и из подъезда тоже!

Шустрый какой, ага.

Усмехнувшись, поправила «беретту» за поясом и привычно проверила щит и блок — первый экранировал тело, дабы мне в самый неподходящий момент не сделали расстройство желудка, второй не позволял в мозги залезть. Только если блок защищал мои мысли, то ауру Тим видел преотлично, пытаться замаскировать ее было делом бесполезным. Для него я фонила, как Александрийский маяк в ночи, несмотря на все мои ухищрения и С-класс... Связь, чтоб ее, сводила на нет многочисленные попытки укрыться. И не снять, не избавиться никак — ментальный удар в состоянии аффекта, да еще без умения контролировать способности, это вам не хухры-мухры. Как Верден в

¹ Цвет ауры отражает состояние человека и соответствует определенным эмоциям. Так, белый цвет присущ ауры в состоянии покоя, и прежде всего во сне, зеленый является признаком наличия экстрасенсорных способностей. Желтый означает спокойствие, ровный эмоциональный фон, фиолетовый — сексуальное влечение, синий — грусть, тоску, красный — ложь, оранжевый — веселье, хорошее настроение, бордовый — раздражение, черный — злость, ярость. — *Здесь и далее примеч. авт.*

тот вечер три с лишним года назад жив остался, не знаю, повезло ему несказанно.

Ладно, это все лирика, некогда рассуждать о превратностях судьбы. Может, хоть в эту ночь удастся свалить от настырного альбиноса и переночевать где-нибудь в гостинице, хоть высплусь как человек. Утром подумаю, как быть дальше. Выход снизу один, Гарик прав, а вот крыши домов соприкасаются, я этот район очень хорошо знаю. В свое время тоже пришлось... побегать тут.

Виски кольнуло неприятное ощущение, словно кто-то поскребся изнутри черепа, но тут же пропало. Обломись, Верден, уж что-что, а мой блок ты фига с два вскроешь, сколько бы ни пытался. Наловчилась уже многослойные ставить, с хитрой защитой. Ну что ж, это значило, что скотина красноглазая знает, где нахожусь, и надо как-то задержать их хотя бы на пару минут, чтобы успеть на крышу вылезти.

Я тихо хихикнула и решила похулиганить: сосредоточилась и с размаху вломилась в сознание Тима, представив крупным планом известную фигуру из пальцев, которая не фига. Со двора послышался сдавленный крик и трехэтажный мат вполголоса. Да, знаю, больно. А не хрен загонять экстрасенса класса С в угол. Сколько раз говорила не лезть — не слушал. Сколько раз просила не заходить в мою спальню, если я никого не хочу там видеть — ноль на массу. Терпение лопнуло, когда наглый командир поставил перед фактом, что спать будем теперь вместе, а Гарику остается в распоряжение вся вторая комната. Я не выдержала и сбежала... Жалко, что уволиться нельзя по собственному желанию или перевестись в другую ячейку. К сожалению, несмотря на серьезные разногласия, работали мы с Верденом отлично, Николаич в свое время прав оказался: из нас получилась прекрасная команда. Когда того требовала ситуация, мы живо забывали о ненависти и вечной войне и решали поставленные задачи. Успешно, между прочим.

— Сонька, чтоб тебя!.. — хрипло выкрикнул Тим и рванул к подъезду.

Гарик припустил за ним, и я поднажала, почти добежав до последнего этажа. Загрохотали шаги вниз. Я скрипнула зубами и ускорила, отчаянно не желая попадаться обратно в руки этих двоих. А ведь как все хорошо начиналось, а?..

Удариться в воспоминания не успела, очень быстро пронеслись два оставшихся этажа, и я уперлась в железную лесенку на чердак. Взлетев по ней, достала набор отмычек — угу, все свое

ношу с собой, и этому тоже в институте учили, — быстро нашла нужную и легко вскрыла простенький навесной замок на дверце.

— Да стой же, паршивка дикая! — Голос Тима раздался уже с площадки четвертого этажа, а всего в доме их пять.

Сейчас, аж три раза. Русские не сдаются и идут до конца. Дернув замок, оторвала к чертям хлипкие ушки, на которых он крепился, и вылезла наконец-то на чердак, а оттуда через окошко на крышу. На мгновение замерла, замороженная зрелищем уходящих к горизонту бесконечных крыш, и чуть не прохлопала вылезавшего следом за мной альбиноса. Шустрый какой, убиться об стену...

— Попалась. — Он оскалился в ухмылке, и красные глаза блеснули в свете полной луны.

Вампир недоделанный, ч-ч-черт. Отпрыгнув от его загребущих лап, молча развернулась и припустила к ближайшему краю крыши — соседний дом всего в полуметре, и вот там как раз подъезд сквозной. Позади загрохотали шаги — Гарик тоже поднялся. Я поднажала и перепрыгнула, услышав сдавленный двойной вопль. Едва не поскользнулась, ругнувшись, и втиснулась в очередное узкое окошко. Поправила пистолет, пожалела, что нет времени нарисовать какую-нибудь вредную пентаграмму, и сбежала на первый этаж... Чтобы упереться носом в заколоченную наглухо дверь сквозного подъезда. Мать, мать, ма-а-а-а-ать!!! Да что за невезуха-то, а! Давно не заходила сюда, тут что, выселили наконец всех и на ремонт дом закрыли? Вторая дверь вела в тупиковый двор, из которого выхода не было. Да, такие вот странные дворы в Питере тоже есть. С размаху пнула заколоченную дверь, тоскливо вздохнула и поняла, что действительно попалась.

— Ну что, Сонька, побегала и хватит, — раздался за спиной довольный голос Тима, и его ладони легли на железную створку по обе стороны от моих плеч.

Вместо ответа я сжала губы и, не поворачиваясь, попыталась двинуть локтем назад, рассчитывая попасть ушлому альбиносу по печени. Эта зараза хорошо усвоила уроки, мгновенно прижав меня сильным телом к двери и не давая пошевелиться. Только и получилось сдавленно пискнуть, выразив возмущение и бессильную ярость от происходящего.

— Угомонишься или нет, строптивая? — выдохнул Тим на ухо, родив стадо бешеных мурашек вдоль позвоночника, и при-

жался губами к нежной коже на затылке, одновременно крепко обняв и обхватив запястья, чтоб вырваться не вздумала.

Зашипев как кобра, я дернулась, ненависть и раздражение полыхнули багровым перед глазами, и я сделала первое, что пришло в голову: банально наступила пяткой Тиму на ногу, от души и со всей силы. Свой блок альбинос уже восстановил, да и стоя спиной и не видя его, еще в такой опасной и, честно говоря, волнующей близости от него — к бою всю концентрацию, я мало что могла сделать, используя собственные способности. Он тихонько взвыл, но не отпустил, зараза такая. А тут еще и Гарик подоспел. Нет, двоих точно не осилю.

— Помочь? — непринужденно поинтересовался этот придурок, и я услышала, как он смачно зевнул. — Я домой хочу, в конце концов, и спать. Сонь, поехали, а? Надоело за тобой по всему городу бегать.

— В пень иди, — огрызнулась, ожесточенно пытаюсь оттолкнуть Тима. Получалось откровенно плохо. Эх, мне б лицом к нему, в момент сотворила бы расстройство желудка. Но существовала реальная опасность, что, если повернусь, этот стукнутый на всю голову альбинос снова целоваться полезет. А воздействие на внутренние органы требовало сосредоточенности хотя бы на несколько минут. — Н-ненавижу!.. — аж поперхнулась, так горло перехватило от эмоций.

— Я это уже много раз слышал, Сонечка, — проникновенно сообщил Тим, слегка прикусив кожу на шее, и я мысленно взвыла. Знает как облупленную, тварь беловолосая. Его действия только подкинули дровишек в пожар моих эмоций. — Гарик, подсоби, а? А то эта кошка дикая не угомонится никак.

М-да. У меня, конечно, класс С, самый высокий, но эти двое, один класса В, второй — А, он же еще и спец по вскрытию чужой ментальной защиты, вполне способны взломать мой блок. Грубо, болезненно, но действенно. Что они, собственно, и сделали. В голове взорвался фейерверк, я вскрикнула, зажмурившись и чувствуя, как сон стремительно наваливается мягкой подушкой. Утром буду как кисель, и это я припомню кое-кому на ближайшем задании.

— Извини... — долетело издалека с нотками сожаления, и я вырубилась.

Часть первая

ИНСТИТУТ

Да, начиналось все не совсем чудесно и удивительно, но тем не менее ничто не предвещало таких глобальных неприятностей на мою многострадальную пятую точку, как альбинос Тим Верден и работа с ним в одной ячейке. Я была рядовой выпускницей восемнадцати лет, и ни сном ни духом не подозревала о наличии у себя каких-то необычных способностей. После торжественного вручения аттестатов, как полагается, был катер, буйное веселье, «Алые паруса» и все такое. Уже под утро я в одиночку возвращалась домой — мы жили около метро «Фрунзенская», и родители ушли чуть раньше после клятвенного заверения, что меня проводят до подъезда, но Маринка, соседка по площадке, которая и обещалась проводить, слиняла с Пашкой, и понятно, что не о погоде они собрались беседовать у него дома. Неприятностей я не ждала, район спокойный, к тому же по всему городу шлялись компании хмельных и веселых выпускников и бдительные патрули полиции. Но мой двор был тмен, пуст и тих. До поры до времени. Я не заметила собравшуюся в дальнем углу теплую компашку, тоже изрядно навеселе — Федька со товарищи. Федор учился на втором курсе СПбГУ, универа в просторечии, и постоянно цеплялся ко мне при каждом удобном случае с грязными намеками. Пока, правда, все ограничивалось попытками обнять да пару раз зажать около подъезда и поцеловать. А вот на излете выпускной ночи попала. Я успела пройти половину двора, когда за спиной раздался пьяный голос Федьки:

— Это кто тут у нас такой расписной, а, киса?

Я вздрогнула, не оборачиваясь, и ускорила шаг, надеясь успеть до подъезда — беспокойство зашевелилось, но я по-прежнему не ожидала от Федьки никаких серьезных неприятностей. Однако бегать на шестисантиметровой шпильке как-то не слишком удобно, и, собственно, единственный выход из на-

шого двора уже перегородили. Я убедилась в этом, оглянувшись через плечо. В общем, убежать не смогла, их было слишком много, и случилось то, что случилось: меня затащили на скамейку в углу, где тусовались еще два Федыкиных дружка, и разложили на этой скамейке. Рот мне сразу заткнули, так что кричать не вышло, да и бесполезно было бы, думаю. Руки связали чьим-то ремнем, и мне осталось только зажмуриться, расслабиться и думать о природе — нарываться на побои не хотелось, синяки на лице меня не украсили бы. Против распаленных пьяных молодых людей я все равно бы не выстояла. Удовольствие, к сожалению, как советует известная поговорка, получить не удалось, мое удобство мало кого волновало. Было больно, противно и стрёмно, а еще внутри вдруг родилось странное чувство, оно стремительно разрасталось, и когда меня пустили по второму кругу, я вдруг отчетливо осознала: убью. Каждого из тех, кто сейчас грубо трахал меня прямо под окнами моей же квартиры. Лично. Не знаю как, но сделаю это. Сами того не понимая, Федька с дружками подписали себе в ту ночь смертный приговор.

Домой явилась на полусогнутых, между ног все горело огнем, было мокро и противно. При всем огромном желании скрыть эту историю от родителей не получилось. В коридоре меня встретила проснувшаяся мама и, включив свет и увидев, в каком я состоянии, ужаснулась. Она разбудила папу, меня немедленно отправили в душ, пока не расспрашивая. Слезы не шли, напал ступор, и я просто сидела в ванной под горячими струями и молча обдумывала, что и как сделаю с ублюдками. Мой упрямый характер не позволил сломаться. Родители, конечно, жутко разозлились на тех, кто со мной это сделал, но я категорически отказалась идти писать заявление. Знала — бесполезно, а проблем не оберусь потом. Папочка Федора был какой-то шишкой в бизнесе, и скорее всего, замет дело, сунув нужным людям взятки, да еще и повернет все так, будто я сама полезла к его сыночку и попросила, чтобы меня поимели. По этому поводу мы долго ругались с папой, но я ушла в несознанию, не говоря, кто же со мной сотворил такое. «Скорую» вызвали, пока в душе сидела, и потом меня увезли — при осмотре выяснилось, что надо накладывать швы. В больнице провалялась неделю и все это время обдумывала месть, но пока даже не знала, с чего начать и как подступиться к задаче.

Случай подвернулся неожиданно, и получилось все совсем не так, как я думала. Точнее, я вообще не думала, что все так по-

лучится. Вернувшись домой из больницы, я столкнулась с Федькой в том же дворе и не успела юркнуть мимо него к своему подъезду.

— О, Сонька, давно не виделись! — развязно произнес он и преградил мне дорогу под смешки своих дружков.

Когда Федька с похабной ухмылочкой бесцеремонно облапил меня, я посмотрела ему прямо в глаза. Страстное желание, чтобы он сдох прямо сейчас, полыхнуло нефтяным факелом, обожгло изнутри едкой кислотой. Перед глазами пронеслись картинки той ночи, и в горле аж запершило от бешенства. Федор запнулся на полуслове, его зрачки расширились, а я с удовольствием представила, как сжимаю в кулаке сердце Федьки... Он вдруг захрипел, отпустил меня и схватился за грудь, закатив глаза. Я испугалась, отступила на шаг, а потом и вовсе почти бегом выбежала со двора, слыша за спиной встревоженные крики и голоса гулявших мамаш и бабушек. А вечером от родителей узнала, что Федя внезапно скончался от резкой остановки сердца, «скорая» приехала забирать уже труп. Вот тут мне стало по-настоящему страшно, ибо пришло четкое осознание, что это я его убила одним своим желанием. А кто-то шибко добрый из соседей доложил папочке Федьки, что последней рядом с его драгоценным отпрыском видели меня — это я уже потом узнала, задним числом.

На следующий день после этого события я уехала отдыхать на все лето, а когда вернулась к сентябрю, к началу занятий в вожделенной Техноложке, моя жизнь перевернулась с ног на голову всего за каких-то несколько дней.

Первое сентября прошло весело, я познакомилась с группой, изучила расписание, отсидела вводную лекцию, а потом мы пошли развивать дружеские связи в ближайшее злочное место, коим оказался бар «SPB» на 2-й Красноармейской. В нашей группе оказалось всего три девчонки, включая меня, остальные двенадцать человек — парни. Хотя меня после достопамятного выпускного к лицам мужского пола не особо тянуло. Заинтересованные взгляды одноклассников вызывали раздражение, и я молча порадовалась, что не стала вырваться в первый день взрослой жизни. Джинсы, футболка и завязанный на шее свитер на всякий случай, вдруг прохладно будет. Короткие темные волосы вечно торчали в разные стороны, не поддаваясь расческам, и я давно махнула на них рукой, и с утра обычно просто проходила пару раз щеткой по кудряшкам, и все. В общем, завалились мы всей честной компанией в бар, я тут же

пристроилась с краю около Оксанки — роскошной блондинки с обалденной фигурой, которую наши парни облизывали глазами. Вот и ладошки, я на ее фоне вообще никак не выделяюсь, что мне и надо.

Мы сидели, болтали, пили пиво, курили — я обзавелась этой вредной привычкой летом, — и ничто не предвещало беды. А потом зазвонил мой мобильник.

— Да? — Я вышла на улицу, чтобы нормально слышать.

Номер, кстати, незнакомый, и меня кольнуло предчувствие.

— Софья Александровская? — Мужской незнакомый и усталый голос.

— Я, а что? — сразу насторожилась.

— Вы где сейчас находитесь?

— На Техноложке, — подозрения усилились, а сердце нехорошо сжалось от предчувствия.

— Александровская Татьяна Владимировна и Александровский Константин Иванович кем вам приходятся?

Сердце превратилось в ледяной ком, а пальцы рук и ног похолодели. Предчувствие перешло в уверенность.

— Р-родители, — я запнулась. — Что с ними? — чуть не сорвалась на крик и нервно сглотнула, достав сигарету. Руки дрожали.

— Авария, — кратко ответил незнакомый мужчина. — Сожалею, ваш отец погиб на месте. Мать в реанимации. Надежды мало, черепно-мозговая и множественные переломы с внутренними повреждениями. Они с трассы вылетели...

Дальше я не слушала. Не обращая внимания на прохожих, косившихся на меня, медленно сползла по стене и села на асфальт. Так и не зажженная сигарета выпала из ослабевших пальцев, а в носу заципало. Мужик говорил что-то еще, назвал адрес, куда мне надо подъехать — как раз на место аварии, спрашивал, есть ли родственники, а я не понимала его слов, отвечала на автомате. Ужасное известие в голове не укладывалось до тех пор, пока не увидела накрытое простыней в пятнах крови тело. Лицо папы можно было узнать, хотя оно выглядело страшно в кровоподтеках и ссадинах. Я сглотнула, судорожно кивнула на вопрос, мой ли это отец, и меня тут же вывернуло на обочину.

Это случилось на Московском шоссе, между Шушарами и Ленсоветовским поселком, родители от знакомых возвращались. Какой-то придурок, по рассказам очевидцев, на черном джипе, летел по трассе на встрече, задумал, видимо, обогнать,

а тут мои родители ехали. В общем, папин старенький «форд» вынесло и перевернуло, пострадали еще машины, но... Папа умер сразу, там некстати дерево оказалось на пути. Машину вскрывали лазерным резаком, потому что салон жутко покорежило. Естественно, виновник аварии не остался на месте, а унесся в неизвестном направлении.

Несчастный случай, такое часто бывает. Номер джипа, конечно, не успели запомнить. Я пребывала в таком глубоком шоке от происходящего, что добиться от меня внятного слова никто не мог. Больница, куда маму отвезли, находилась на Костюшко, и я поехала туда же на «скорой». Выпав из страшной реальности, пришла в себя только в белом длинном коридоре около двери с надписью «Операционная». Добрые врачи укутали в одеяло, всучили в руки стакан с успокоительным, да еще в машине вкатали парочку уколов, а меня все не отпускало. Сколько я там просидела, уставившись в стену невидящим взглядом, не знаю. Когда вышел усталый широкоплечий дядька в халате и маске и сообщил, что они сделали все возможное, но, к сожалению, операция не помогла, я посмотрела на него, залпом выпила остатки жидкости в стакане и ушла в обморок.

...Как чувствует себя подросток в восемнадцать лет, оставшись без родителей? Хреново, если не сказать хуже. После смерти мамы психика наконец включила защитные механизмы, и у меня случилась долгожданная для врачей истерика, что всяко лучше продолжительного шока. Два дня я пролежала в той больнице на успокоительных и снотворном, от рыданий глаза и лицо опухли, голос почти пропал, и я хрипела, как неисправное радио в поисках волны. Еду в меня впихивали силком и грозили капельницей, если не перестану взбрыкивать. Пришлось давиться, но есть. На третий день я нашла силы взять себя за жабры и хотя бы временно запихать все эмоции и переживания подальше — надо было заняться организацией похорон. Из родственников в Питере остался только брат папы дядя Миша, который жил в своем доме под Петергофом. Он и помог тогда. Забрал из больницы, привез домой.

— С тобой остаться, Соня? — спросил дядя Миша, высадив меня у подъезда.

Глядя прямо перед собой, отрицательно помотала головой. Сейчас мне хотелось просто побыть одной.

— Глупостей не наделаешь? — Он нахмурил кустистые брови.

— А? — Я очнулась и непонимающе уставилась на него. — Дядь, ты чего? Мне восемнадцать, какой суицид? Мне еще искать тех ублюдков, что маму с папой грохнули. — Перед глазами снова все поплыло, слезы покатились по щекам.

— Следователи пусть ищут, — дядя нахмурился сильнее. — Тебе учиться надо. Денег подкидывать буду, с работой не торопись пока. Может, чего придумаю.

— Я найду, — тихим голосом повторила я, упрямо сжав губы. — Полиция может до скончания веков копать с этим делом...

— Ладно, — вздохнул дядя. — Похоронами займусь, ты отдохни пока, только на учебе предупреди.

Я вышла, а он уехал. Поднимаясь на третий этаж, отстраненно думала, что теперь делать с трешкой, так неожиданно доставшейся мне в пользование. Сдавать? Не, жить с незнакомыми людьми одной опасно, мало ли, что у кого на уме. Впускать чужих людей в дом, где я прожила всю жизнь, тем более не хотелось. Продать и купить однушку? Более подходящий вариант, остальное можно вложить куда-нибудь, чтобы проценты капали, будет капитал на черный день, пока сама на ноги не встану. Потому что для меня одной столько свободного пространства слишком много. Да и... жить воспоминаниями не дело, у меня цель есть. Несмотря на кошмар случившегося, мое хваленое упрямство не давало депрессии затопить с головой, побуждало что-то делать и куда-то двигаться. Проще всего махнуть рукой, сдать ся, сесть на попе ровно и покрываться мхом, жалея себя и ненавидя весь мир за то, что он такой плохой. Нет уж. Я найду того, кто сидел за рулем джипа, и убью. Кровожадно для восемнадцатилетней? Плевать. Меня лишили самых дорогих и близких людей, и я хочу знать, кто это сделал. В наш самый гуманный суд в мире и самых честных судей я уже давно не верю.

Еще оставались два приятеля Федыки, развлекавшиеся со мной в ночь выпускного. Да-да, я не забыла и про них. Короче, есть чем заняться кроме бесполезного копания в собственном горе. Хватит, и так два дня в больнице прохлаждалась.

За этими мыслями поднялась на свой этаж и замерла, уставившись на торчавший в двери сложенный листок бумаги. Это кто тут мне любовные письма таким оригинальным способом шлет? И не вытащили, поди ж ты. Выдернула, развернула, прочитала. «Ты следующая, тварь!» Опа. Открыв дверь, вошла в темный коридор, включила свет, снова и снова пробегая глаза

ми одну строчку, отпечатанную на принтере. Страха не было, вместо него появился нездоровый азарт: я поднесла листок к носу и втянула воздух, словно надеясь что-то унюхать. Пальцы легко пробежались по надписи, и... подушечки кольнуло странное ощущение. Перед глазами замелькали образы, почему-то Федыкина ухмыляющаяся рожа. Потом словно кто-то на паузу нажал, память услужливо подбросила картинку пару раз виденного мной папаши сдохшего ублюдка. Тучного краснолицего мужчины в дорогом костюме, пиджак которого не сходиллся на внушительном пузе. Ага-а-а... Пальцам стало тепло, и я откуда-то поняла, что вычислила автора записки. Папочка Федыки, значит, считавший меня виноватой в смерти его сына.

Улыбнулась, опустила руку с листком и чуть ли не облизнулась.

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду тебя искать, — мурлыкнула в пустоте квартиры, и собственный хриплый голос показался чужим и странным.

У меня теперь есть цель, и ради нее я не пожалею ни сил, ни средств. На автомате прошла в свою комнату, бросила рюкзак на диван, скинула ботинки. Поняла, что хочу в душ. Смыть все и очиститься. Начать с нуля. Переродиться, если угодно. А под тугими, горячими струями воды меня снова прорвало. Скорчившись на дне ванной, я заревела, даже нет, завывала в голос, выплескивая всю боль, ужас, отчаяние и одиночество. Сжавшись в комочек, избавлялась от накопившегося за последние дни напряжения и, как ни странно, чувствовала облегчение. Словно кто-то нажал сливной бачок, и все дерьмо смыло в канализацию. А вместе с ним и усталую, обиженную на весь мир восемнадцатилетнюю девчонку, которая внезапно осталась одна. Именно в ту ночь началась моя новая жизнь.

Проревевшись и помывшись, я завалилась спать, пока еще не имея никаких четких планов, но твердо намереваясь найти всех, из-за кого моя жизнь полетела к чертям. И я дала себе слово больше не плакать. Никогда. Как бы хреново ни было, что бы ни происходило. Я все слезы выплакала в больнице и тогда, в ту ночь. Я одна и надеяться ни на кого, кроме себя, не стоит.

На похоронах не проронила ни слезинки, глядя на два одинаковых гроба. Мама, папа, я знаю, кто вас убил. И он заплатит за это. Клянусь. На ваших могилах клянусь.

Учебу я не забросила, в деканате, не вдаваясь в подробности, скупое объяснила свое недельное отсутствие семейными

проблемами и показала справку. И плотно засела в Интернете в поисках информации об экстрасенсах и их способностях. Ничем другим, как наличием у меня этих самых способностей, смерть Федыки я объяснить себе не могла. Кроме того, я начала ходить в тир, хотела научиться стрелять. Возможно, позже подумаю и о разрешении на ношение оружия и его покупке. Идею с квартирой рассказала дяде Мише, он согласился помочь, и через месяц я решила вопрос, переехав в однушку на Петроградке — дядя по своим каналам нашел хороший вариант. Остатки денег положила на счет под проценты. Но о мести не забывала.

Нарыла нужные сведения об экстрасенсорике, пробовала делать кое-какие упражнения — на удивление у меня что-то стало получаться. Признаться, где-то в глубине души все равно сидели сомнения. Однако медитация мне давалась легко, и когда я поняла, что могу запросто определить, что у соседки, с которой столкнулась на лестнице, зверски болит голова с похмелья, осознала — мои способности действительно существуют. И я тренировалась... как умела. К концу октября у меня сложился простой план, как отомстить для начала тем друзьям Феди, которые участвовали в сомнительном развлечении летом. Угрозу его отца я тоже помнила, и в сумочке всегда лежал баллончик с газом. Поскольку переехала я тихо и никому кроме дяди новый адрес не сообщала, на старом месте жительства не появлялась, выиграла для себя еще время.

Мой план мести был прост: проделать с остальными то же, что и с Федыкой. Меньше подозрений вызовет такая смерть. К тому времени анатомический атлас стал чуть ли не моей настольной книгой, расположение внутренних и жизненно важных органов я знала наизусть. И в один из октябрьских ненастных деньков из Техноложки поехала не домой, а туда, где прошли мои школьные годы и закончилась счастливая жизнь. Мне повезло, они сидели во дворе — двое оставшихся приятелей и какие-то девицы потрепанного вида с ними. Сдержала торжествующую ухмылку и смело направилась к ним, не скрываясь. Теперь я их не боялась, знала: они мне ничего не сделают. Такие, как они, трусы и при свете дня только и могут, что задира́ть на словах.

— О, киса, куда ты пропала? — оскалился в улыбке один из них, заметив меня. Костик, кажется. — Мы скучали. Тебе же понравилось тогда, правда? — Он подмигнул с похабной ухмылочкой.

— Понравилось, — и я кивнула, не став спорить и остановившись рядом со скамейкой, засунула руки в карманы, ожидая их дальнейших действий.

Для осуществления моего плана требовался физический контакт, об этом я тоже вычитала в книгах по экстрасенсорике. Компания — там еще были какие-то придурки, которых я не знала, три человека, не считая девиц, — заржала, явно в курсе, о чем он говорил, и Костик встал со скамейки, вплотную подойдя ко мне. Я внутренне подобралась.

— Ну, я знал, что ты для виду ломалась. — Он положил свою лапу на мою талию, а мне только того и требовалось.

Глядя ему в глаза, представила, где его сердце, и... Ощущения нахлынули неожиданно, я вдруг увидела вокруг Костяна странное свечение, грязно-белое с лиловыми разводами. И пульсирующий ярко-синий комок как раз с левой стороны груди. Как в атласе рисовали.

— Спокойной ночи, Костик, — нежно проговорила я и представила, как сжимаю этот комок крепко-крепко.

Он захрипел, схватился за грудь и завалился на скамейку. Я не отпускала комок, пока Костян не затих. Остальные резко замолчали, не понимая, что происходит и почему их приятель вдруг свалился без движения на скамейку. Хохот прекратился. Я стиснула в кармане баллончик с газом, чувствуя нездоровый азарт и ощущая себя хозяйкой положения.

— Что ты с ним сделала, девка?.. — растерянно прошипел его приятель, как раз тот, третий, кто веселился со мной на выпускном.

Мои губы разъехались в веселой ухмылке.

— Убила, Толик, — спокойно ответила я. — И ты следующий, ублюдок.

— Как убила?! Больная, что ли?! — заорал он и рванул ко мне.

Я выкинула вперед руку с баллончиком и зарядила ему струей перцового газа в глаза. Он завыл, закрыл ладонями лицо и споткнулся, а я второй рукой ухватила его за запястье, повторив трюк с сердцем. В этот раз вообще все практически на автомате произошло, и Толя лег рядом с приятелем. Остальные с ошарашенным видом застыли соляными столбами, и я вдруг очень четко ощутила их эмоции: страх, паника, растерянность и слабые проблески ненависти. Обвела глазами компашку и произнесла, четко выговаривая каждое слово:

— Вы. Ничего. Не видели.

Их глаза остекленели, они заторможенно и, что удивительно, одновременно кивнули. Я молча развернулась и быстрым шагом покинула двор, испытывая удовлетворение. Врут те, кто говорит, что месть не приносит удовольствия. Я была рада. Даже нет, я была счастлива. То, что минуту назад убила двух людей, не вызвало ничего, кроме чувства глубокого удовлетворения. Они того заслуживали, оба, как и покойный Федя. Как и его отец, который стоял следующим в моем списке. Я не сомневалась, джип и авария на трассе — его грязных рук дело, и записка только подтверждала, что папочка насильника каким-то образом узнал, что я причастна к смерти его сына, и решил меня уничтожить. Не на ту напал. У меня тоже есть когти и зубы, несмотря на то что мне всего восемнадцать с половиной. И плевать, что он какой-то там авторитет и связан с криминалом. Вспоминая себя в то время, до сих пор улыбаюсь и поражаюсь, какой везучей оказалась. Наивная была тогда, ужас просто.

Когда я покинула двор и отошла на некоторое расстояние, меня накрыло. Не страх, нет, и не вина, не ужас от содеянного. Откат, что ли. В голове воцарилась звенящая пустота, тело пробрала крупная дрожь, и до слюноотделения курить захотелось. Я остановилась, трясущимися руками достала сигарету и в три длинных затяжки выкурила. Потом сразу вторую. На третьей немного отпустило, и теперь появилось желание выпить пива для окончательного успокоения. Погода стояла солнечная, хотя и прохладная, и я решила прогуляться пешком по любимому городу, по пути заскочив в какой-нибудь бар. Так и получилось, что до Петроградки и дома дошла уже в сумерках, около шести вечера. И, едва вступив под арку двора и сделав несколько шагов, замерла.

Ощущение опасности пронзило от макушки до пяток, аж зубы заныли, и я судорожно сжала в кармане баллончик с газом. Упрямо сделала еще один шаг, а дальше ноги отказались слушаться сигналов мозга. Так, понятно, интуиция решила взять бразды правления в свои шаловливые руки. Ну, не буду спорить. Я развернулась и уперлась взглядом в высокого человека в длинном кожаном пальто, с коротким ежиком волос и квадратным подбородком. Он появился за моей спиной совершенно бесшумно, я не услышала шагов. Глаза непонятого в полумраке цвета, холодные и равнодушные, смотрели на меня.

— Чего встала? Двигай давай к машине, — обронил он. — И без глупостей. — Мужик шевельнул рукой в кармане, и я ско-

рее почувствовала, чем увидела сквозь ткань, что там пушка. — С тобой поговорить хотят напоследок.

— К-как напоследок?.. — вырвалось у меня, от неожиданности происходящего эмоции впали в ступор и сознание охватило странное оцепенение.

— Молча. — Шкаф пожал плечами. — Шевелись давай.

Время, замедлившееся с того момента, как я узрела мужика в плаще, рывком пошло дальше, мозг пинком отшвырнул накачивавшую панику и лихорадочно заработал, выдавая варианты последующего развития событий. Я экстрасенс, пусть и самоучка. Я знаю, где расположено сердце, почки, печень, желудок. Самое действенное, это заняться внутренними органами похитителя, но нужен физический контакт. Мелькнуло воспоминание, что в бывшем своем дворе мне удалось как-то загипнотизировать невольных свидетелей, однако как я это сделала, понятия не имею, и сейчас совершенно не место и не время для экспериментов в этой области. Буду делать то, что умею. Как заставить его коснуться себя? Или хотя бы за руку схватить? В голову ничего не пришло, кроме как банально споткнуться, когда разворачивалась спиной — хотя внутри все вопило, что этого делать не надо ни в коем случае.

Ага, аж три раза. Едва не въехала носом в асфальт, а этот, с пушкой, только гаденько хихикнул, и не подумав помочь.

— Не выйдет, притворщица. Шагай давай, черный джип вон стоит.

Это о чем он сейчас?! Закралось нехорошее подозрение, что амбал каким-то образом вызнал про мои способности и в курсе, как я Федьку грохнула. Черт, но как?! Ведь обычные люди не могут видеть, что я делаю! Я слотнула, самообладание сдало позиции, прогнувшись под паникой.

— Ч-что не выйдет? — пробормотала, с трудом переставляя ноги, позвоночник чуть не в пружину сворачивался от ощущения наведенного из кармана дула. Может, закричать?

— Ничего не выйдет, — жестко отрезал мужик и зазвенел ключами. — Орать не вздумай, с такого расстояния не промажешься, а выстрела не услышат.

Джип мигнул фарами, и я остановилась перед дверью. Похититель пугал все больше, особенно когда неожиданно прижал меня к машине и больно вывернул руки назад.

— Я знаю, что тебе видеть человека надо, — выдохнул он в ухо, пока связывал запястья. Паника набирала обороты, пре-

вращаясь в просто-таки животный ужас, мешавший думать. — И касаться его. Я подготовился, дорогуша.

Удерживая меня за плечо, мужик открыл заднюю дверь и грубо втолкнул на сиденье. Как назло, двор оставался тихим и пустым, и вряд ли я настолько удачлива, что кто-нибудь подойдет к окошку и заметит неладное. У нас вообще жители удивительно равнодушны и предпочитают закрывать глаза на то, что их не касается, и уж тем более может нести потенциальную опасность. Пока неизвестный обходил джип и садился, у меня закрались подозрения, кто это по мою душу. Я же получила предупреждение? И непозволительно расслабилась. Да, переехала тихо, но ведь училась в том же Технологическом институте, куда поступила. И квартиру продала, а у папочки Федора связи в строительном бизнесе. Наследила все равно.

— Тебя Федькин отец послал, да? — прохрипела я, завозившись на заднем сиденье и пытаюсь принять вертикальное положение.

Запястья ныли, вывернутые плечи тоже, страх не проходил, балансируя на грани ужаса и паники. Мужик молча пожал плечами и завел машину. Я еще пыталась что-то придумать, прикидывала так и эдак, но моих знаний о собственных способностях катастрофически не хватало, и, несмотря ни на что, я оставалась восемнадцатилетней девчонкой, сиротой, одиночкой и очень, очень испуганной. Когда джип выехал за пределы города и за окнами потянулся серый осенний лес, паника выплеснулась обжигающей ледяной волной, затопив сознание до самого верха. События того вечера в памяти не отложились, стертые напрочь инстинктом самосохранения, и даже потом, позже, уже в институте, этот блок снять не смогли. Назвали обтекаемым словом «неконтролируемый выброс способностей», и на том остановились. Я только поняла, что хочу жить, со страшной силой поняла, и все существо рванулось к этой мысли.

Кажется, до меня донесся вопль водителя, и это было последнее четкое воспоминание. Сознание сузилось до точки, а потом его словно выключили. Единственное, я осознавала, что не в обмороке валяюсь на заднем сиденье джипа, и дальше всем происходящим, как понимаю, правили дремучие инстинкты. А когда пришла в себя и снова начала воспринимать окружающее, выяснилось, что все совсем худо: джип стоял, уткнувшись мордой в дерево, водитель лежал лбом на руле, хорошо хоть не на гудке, и я увидела толстую струйку крови, сползшую из его уха по шее. Сердце колотилось в ушах, в них же звенел против-

ный тоненький звук, как комар, и воздуха не хватало, я дышала со всхлипом и неровно. Со страшной силой захотелось курить, но руки по-прежнему были связаны за спиной. И еще лоб саднило — кажется, я ударилась о подголовник переднего сиденья. Надо выбираться. Не знаю, сколько времени прошло с момента аварии, но наверняка кто-то уже вызвал нашу доблестную полицию. Снова светить в сводках свою фамилию не хотелось, тем более что я точно знала: водитель мертв. Вдруг начнут вопросы неудобные задавать, как я оказалась в этой машине, да еще со связанными руками. Рассказывать о своей мести вообще, обо всей этой мутной истории с Федором и его отцом совсем не хотелось.

Башка болела, в висках неприятно пульсировало, запястья уже занемели — на совесть связал, скотина такая, да еще и волнами тошнота накатывала, от голода, видимо. Последний раз днем в столовке институтской ела. Скрипнула зубами, скорчилась на сиденье, подтянув колени к подбородку, и, кряхтя и матерясь, перевела связанные руки вперед. Потом еще зубами тербила узел веревки, обкусав губы до крови, и наконец, когда издали послышался вой полицейской сирены, запястья освободились. Постанывая, кое-как с третьего раза справилась с дверью и выпала наружу. Грязь, поломанные ветки и, к моему счастью, пустая обочина — видимо, или мне безумно повезло и в момент аварии никого на трассе не наблюдалось, или все водители разом стали глухими и слепыми. Что-то подсказывало вероятность второго варианта. Оглядевшись, определилась с направлением к городу по следам от джипа, и поковыляла со всей возможной скоростью прочь, надеясь, что попадетя попутка и подбросит до ближайшего метро.

Меня знобило, и непонятно, от чего больше: от холодного ветра и начавшегося мокрого снега или от пережитого. Сознание впало в ступор, заморозив эмоции, и я просто шла вперед, глубоко засунув руки в карманы, даже позабыв о желании курить. Честно, как добралась до города, помню очень смутно, кажется, все-таки кто-то подкинул до Парнаса — очень удобно, как раз по прямой до Петроградки. Как не загребла полиция, тоже не знаю. Всю дорогу в метро продремала и, только закрыв за собой дверь моей маленькой уютной квартирки, поняла, что отделалась малой кровью и хорошо еще, что жива осталась. Колени ослабли, я сползла по двери, не сняв одежды, и у меня вырвался истеричный смешок. Два раза роняла сигарету, пока наконец не прикурила, перед глазами все плыло, а мозг настойчи-

во бился в глухую стену, пытаясь понять, что же случилось на трассе. Попытки оканчивались неудачей, и я махнула рукой.

Выкурив подряд три сигареты, посмотрела на часы — девять вечера. Хорошо, что завтра суббота, можно поспать. Черт, что ж делать-то? Папашка Федькин знает, где я живу, и надо как можно скорее разобраться с ним. Да только, узнав о смерти своего человека, неизвестно, что он выкинет. Я знала лишь подъезд, где жил Федька, и тот был с домофоном. Караулить его отца во дворе — глупая затея. Но эта попытка похищения — еще одно доказательство причастности старшего Крупина к смерти моих родителей. Правда, косвенное, однако я чувствовала, что мои догадки верны.

Снова начало ломить виски, и я отложила продумывание действий на утро, отправившись в душ, а потом на кухню готовить. Желание помыть и побиться головой об стенку жестко задавила двадцатью каплями пустырника и глотком коньяка, и спала я как убитая, даже без снов.

А утром, сварганив гренки и чашку кофе и прикурив сигарету, села за ноут собирать информацию о Крупине. Успела выяснить только, что у него несколько крупных фирм, занимающихся поставками стройматериалов, а потом меня прервали. Кто-то неожиданно позвонил в дверь, я вздрогнула и уронила пепел на клавиатуру, тихо чертыхнувшись. Интуиция зашевелилась, но вроде не сигнализировала об опасности. Тем не менее я сжала баллончик и вышла в коридор, порадовавшись, что дверь стальная и с глазком. Хотя последний можно жвачкой заклеить... Паранойя, вон! Крупин-старший так быстро не организуется. Я осторожно заглянула в глазок: на площадке стояли двое мужчин, одетых вполне прилично — в костюмы и длинные темные пальто. Снова звонок.

— Софья Константиновна, откройте, пожалуйста, мы знаем, что вы дома, — вдруг произнес один из них, и я чуть не села прямо на пол в коридоре.

— А вы кто? — через дверь настороженно спросила я, ладони отчего-то вспотели.

— Мы хотим поговорить и предложить помощь, — огорошили меня ответом.

— Она мне не требуется, — открестилась я от неизвестно откуда свалившихся помощничков. — Всего хорошего.

Они переглянулись, и я заметила улыбки на лицах. Практически одинаковые. Парни близнецы, что ли? Очень уж похожи.

— Вы убили четырех людей весьма необычным способом, Софья, — мягко сообщили мне, и я повторно чуть не потеряла самообладание.

Как так быстро узнали?!

— Вы кто? — отрывисто повторила я вопрос.

— Институт экстрасенсорики и паранормальных явлений, отдел аналитики. — К глазку поднесли корочку, и я прочитала имя: Пахомов Александр Дмитриевич, начальник отдела аналитики.

Чуть не захихикала, не торопясь открывать.

— Да ладно, нет у нас в Питере такого.

Больше со мной спорить не стали, а толстая щеколда с внутренней стороны вдруг сама собой поползла в сторону, синхронно с моими бровями — только они поползли вверх. Дверь распахнулась, а баллончик выпал из моих ослабевших пальцев.

— Простой телекинез, — пожал плечами тот, который был Александром Дмитриевичем. — Экстрасенс класса С, приятно познакомиться, Софья Константиновна. Вы позволите войти?

Я молча посторонилась, закрыла за ними дверь, подобрала челюсть, и мы проследовали на кухню.

— И? — устроилась на табуретке, согнув одну ногу в колене и подтянув к груди, смяла в пепельнице тлевший окурок.

— Будем кратки, — начал Александр, а второй помалкивал, равнодушно глядя в окно. — Институт занимается развитием паранормальных способностей, мы действительно выпускаем биоэнергетиков и экстрасенсов широкого профиля с настоящим дипломом. Вчера наш отдел засек сильный всплеск на севере города, мы проверили и вышли на вас, Софья. Когда ваши способности проявились? — Он внимательно посмотрел на меня, и от взгляда этого аналитика стало не по себе.

— Полгода назад, — буркнула я, не торопясь вот так с ходу верить рассказу. — Ну и на фига этот ваш институт готовит экстрасенсов? Для гадательных салонов, что ли? — насмешливо хмыкнула я. — Так там эти дипломы никому не нужны, главное антураж и побольше таинственности. Ну и знания психологии, конечно.

— Хороший вопрос, — Александр улыбнулся, — правильный. Но нет, не совсем для гадательных салонов, хотя наши выпускники работают и частным образом. Софья, вы верите в привидения и вампиров? — снова огорошил он вопросом.

Спроси он меня об этом полгода назад, рассмеялась бы в лицо. Вампиры бывают только в книжках, а привидения в муль-

тиках. Но после того как я лично завалила нескольких людей лишь с помощью своей странной силы, подобный вопрос не звучал для меня смешно. Ну... разве что вампиры все же вызвали сомнения.

— А они на самом деле существуют? — осторожно спросила я, прищурившись.

— Вы умеете убивать человека одним усилием мысли. — Улыбка Пахомова превратилась в усмешку. — И сегодня я открыл вашу дверь, не коснувшись и пальцем. Эти факты не вызвали у вас удивления, так почему бы не существовать вампирам и привидениям? И другим людям, обладающим необычными способностями наравне с экстрасенсами? — Его взгляд стал острым, пронизывающим, и меня снова пробрала дрожь. — Магам, например?

В обычной типовой питерской квартире это слово резануло слух, но смеяться я не торопилась.

— Так для чего тогда вы учите экстрасенсов? — повторила свой вопрос, не дав гостю съехать с темы.

— Ловить призраков и черных магов, — невозмутимо ответил мужчина. — А также убивать вампиров, зомби и злобных духов, всякую другую нечисть. И избавляться от прочих, кто пытается нарушить покой обычных людей, живущих в нашем славном городе.

Он не шутил, я видела. Тем сильнее было мое замешательство. Это что, меня вербуют в отряд охотников за привидениями, что ли? Они, значит, реально существуют в Питере? Интересное кино! И как отлично шифруются — я никогда не слышала о таких отрядах, даже праздных разговоров или каких-то баек о них не доносилось. Хотя, возможно, правильно делают, наше общество еще не настолько продвинуто в плане тонких материй и всяческих чудес, чтобы спокойно принять такую новость.

— Софья, — Александр продолжил, видя, что я не тороплюсь что-то говорить, его голос звучал настойчиво, — Крупин вас достанет, а сама вы не справитесь, — выдал он следующую порцию сведений обо мне, чем снова насторожил: много же они накопили за столь короткий срок. Видать, действительно заинтересованы во мне как в будущей студентке. — Вы не умеете толком пользоваться своими возможностями, вы не умеете драться и вы не сумеете защитить себя даже с помощью оружия, поверьте мнению профессионала. У вас даже этого оружия-то и нет, Софья, как и разрешения на него. — В его тоне

проскользнула насмешка, но тут я возмущаться не стала — прав, да. — Наш институт даст вам необходимые навыки, обеспечит интересной, высокооплачиваемой работой, и вы сможете разобраться со своими проблемами в свободное время. Мы вас прикроем, своих людей мы в обиду не даем.

Змей-искуситель прямо, красиво вещает. Всего за одну ночь они так много выведали обо мне, да в таких подробностях, о которых никто не мог знать... Всего на миг я помедлила с ответом, а потом на меня вдруг снизошло спокойствие и даже некоторая отрешенность. Зашевелилась уверенность, что с помощью этих странных людей я действительно смогу найти свое место в жизни и осуществить месть. Да какая, хрен, разница, кого ловить придется? Хоть гигантских зефирных человечков, мне фиолетово, если меня научат использовать свои способности и всему тому, что перечислил Пахомов, я отомщу за родителей. И я решила.

— Что от меня надо? — Я выпрямилась и отодвинула ноут.

— Поставить подпись здесь. — Александр достал из кожаного портфеля, дорогого даже на вид, лист бумаги и протянул мне. — Стандартный договор на обучение, срок — три года. Все расходы и обеспечение жильем берет на себя институт, как и оформление необходимых документов. Подробнее узнаете, когда придете на вводную лекцию.

Я не колеблясь поставила закорючку в нужном месте. Со следующего дня моя жизнь претерпела серьезные изменения и привела к таким результатам, о которых мне даже и в страшном сне не могло присниться. Но отступать было некуда, и в общем и целом я не жалею, что в тот день подписала договор.

Первое, что предстояло сделать, — это в очередной раз переехать. При институте имелось общежитие, в котором и жили студенты странного заведения. Александр сказал, что за мной заедет машина в четыре дня в субботу и чтобы я собрала самое необходимое, включая документы. Добавил также, что вопрос с переводом из Техноложки решат и что в их институте базовые предметы изучают наравне со специальными. Так что образование я получу вполне себе высшее по стандарту. Хотя нагрузка будет серьезной, по словам того же Александра. Это меня не испугало: меньше времени останется думать обо всем, что случилось со мной за последние месяцы.

Вещей набралось всего на одну сумку — если что-то еще понадобится, потом съезжу.

Ровно в четыре дня я вышла во двор, положив ключи от квартиры в карман. Вишневый «шевроле» моргнул фарами, я подошла к нему и открыла дверь, сев на переднее сиденье, — Александр скинул сообщением номер и марку машины. В дороге я молчала, глазела в окно, рассеянно размышляя, что же меня ждет в институте со столь странной и необычной специализацией, и в груди ворочалось давно позабытое ощущение неясного предвкушения. А мне уже казалось, что мои эмоции впали в глубокую спячку и, чтобы их разбудить, придется очень и очень постараться. Пару раз даже поймала себя на том, что улыбаюсь уголком губ. Привезли меня в район Черной речки, само здание института располагалось на набережной. В пять этажей, длинное, облицованное серым мрамором — обычное такое здание, без лишних деталей, похожее на какой-нибудь НИИ. Таблички с названием я так и не увидела, кстати. Водитель тормознул у входа, не заглушая двигатель.

— На проходной назовешь имя и фамилию, тебе скажут, куда идти, — коротко пояснил он, даже не посмотрев в мою сторону.

Я кивнула и вышла, вытащив сумку из багажника. Охранник на проходной, дядька внушительной комплекции с пышными рыжеватыми усами и добрыми глазами, сказал оставить ее у него, назвал номер кабинета и этаж, выписал временный пропуск, и я пошла дальше. В коридорах института я никого не встретила, что слегка удивило — здесь не учатся по субботам? Или просто все на занятиях сейчас? И вообще, кстати, середина октября, а меня так запросто перевели. Если здесь такое специфическое обучение, то как я буду наверстывать программу? Надеюсь, эти вопросы мне прояснят.

Добралась до нужного этажа быстро, даже не заблудившись по пути. Кабинет оказался директорским, как гласила табличка, и, постучав, я услышала негромкое: «Войдите».

— Добрый день, Софья. — Едва я показалась на пороге, меня поприветствовал мужчина средних лет с короткой стрижкой и ничем не примечательной внешностью. — Присаживайся, — кивнул он на стул. — Илья Викторович, директор института. Рад познакомиться, — представился хозяин кабинета.

— День добрый, — кивнула я, разглядывая помещение.

Добротный широкий стол, покрытый бордовым сукном, позолоченный письменный прибор из малахита, ноутбук с эмблемой надкусанного яблока, в углу сейф, вдоль стены стеллаж с книгами и папками. Ничего лишнего, и в то же время понятно,

что человек здесь работает, а не в игрушки гоняет на ноуте. Я перевела взгляд на директора и приготовилась слушать, что мне расскажут.

— Итак, — Илья Викторович взял со стола тонкую папку с моим именем, — Софья Константиновна Александровская, семнадцать с половиной лет, студентка первого курса Технологического института, сирота, — начал он, открыв папку, и я увидела лист типа анкетного с моим фото.

Я молча пожала плечами, не удивившись — сведения, которые легко достать и без всяких специальных допусков. Что еще скажет интересного?

— Имеется серьезный конфликт с господином Крупиным, владельцем фирм по поставке стройматериалов, — продолжил директор, и я уже насторожилась. Об этом никто, кроме меня и самого Крупина, не знал, и вот тут впору поверить в чудеса, потому что так быстро узнать эту информацию они не могли. Разве что в Институте экстрасенсорики узнали обо мне не вчера, когда я столкнулась с похитителем от Крупина, а гораздо раньше. — Единственный родственник, Михаил Александровский, проживает под Петербургом. Первый всплеск способностей произошел полгода назад, летом, и ознаменовался убийством Федора Крупина, — голос директора звучал ровно, негромко.

Вот оно. Уже тогда отслеживали? Но ведь вряд ли банальная остановка сердца так уж сильно всколыхнула астрал, или что там еще, чтобы меня вот так сразу заметили. И для чего тогда ждали эти полгода, ведь могли еще летом сразу предложить. Я окончательно запуталась в своих размышлениях и потому решила кое-что прояснить.

— Вы уже тогда знали о моем существовании, что ли? — Я не сводила с него слегка напряженного взгляда. — А почему в таком случае раньше не позвали к себе? И вообще, что дальше? Мой личный конфликт с Крупиным помешает мне учиться здесь?

Илья Викторович отложил папку и улыбнулся, его глаза прогулялись по мне, вызвав желание поежиться. Словно сканером провел, такой пронзительный взгляд у мужика оказался.

— Нет, не помешает, — негромко ответил он. — И — нет, узнали о тебе действительно только вчера ночью. Просто у нас хорошие аналитики работают, — его улыбка стала шире. — Дальше? А дальше, Соня, с понедельника зачисляешься на первый курс, сегодня заселяешься в общежитие и учишься. Пройдешь тесты на определение уровня способностей, со второго го-

да обучения начнется специализация, сейчас пока общие предметы, за некоторым исключением. На третьем будете уже учиться работать в будущих ячейках, ну да это тебе расскажет куратор, — невозмутимо объяснил он. — Летом еще практика будет.

— А что за ячейки? — тут же спросила я, вспомнив упоминание Александром отрядов особого назначения, если так можно выразиться. — Это что такое?

— Подробности узнаешь в ходе занятий. — Директор соединил кончики пальцев. — После окончания института будет распределение по группам, каждая из которых обычно состоит максимум из четырех человек и формируется в процессе учебы. Обязанности тоже узнаешь на последнем курсе. Пока просто учись, Соня, и обещаю, легко не будет, — почему-то директор выглядел очень довольным, и ко мне вернулась настороженность.

— Тут как насчет режима? — поинтересовалась я. — Ну, в смысле, можно в город-то выходить? Или совсем армейская дисциплина? — не удержалась от ехидного замечания.

Илья Викторович издал короткий смешок, ничуть на меня не обидевшись и даже не сделав замечания. Хм, мне он уже нравился, мировой мужик, несмотря на то что директор этого странного заведения.

— Можно, но общежитие закрывается в час ночи, как и все студенческие, — с готовностью пояснил он. — Никакой армии у нас и не пахнет, хотя стрельба и физическая подготовка есть, и последняя немного отличается от обычной физкультуры. Да, кстати, дай ключи от твоей квартиры, — огорошил вдруг странной просьбой директор.

— Это на фига еще? — насторожилась я и выпрямилась на стуле, бросив на него косой взгляд.

— Ты там больше жить не будешь, — Илья Викторович пожал плечами. — Те, кто приходит к нам учиться, исчезают для остальных, Соня. О том, куда ты ушла, никто не должен знать. — Директор прищурился и снова обжег пристальным взглядом. — После окончания института жилье вам выделяют, не волнуйся.

— А дядя Миша? — нахмурилась я. — Он беспокоиться будет, я не хочу, чтобы он думал, что со мной беда приключилась!

— Это наша забота, он тебя искать точно не будет, и тревожиться за тебя тоже, — спокойно сообщил Илья Викторович и пошевелил пальцами на протянутой ладони. — Ключи, Соня.

Конфиденциальность — залог существования нашей организации и института, так что в понедельник тебе еще поставят блок, чтобы лишнего не рассказала до самого выпуска. Ну мало ли, вдруг очень захочется с друзьями поделиться, — и он хмыкнул.

— У меня нет друзей, — сумрачно отозвалась я, изучая рисунок паркета на полу. — Можете не трудиться, мне этот ваш блок на фиг не сдался. Болтать не собираюсь, мне просто не с кем.

Он помолчал, не сводя с меня изучающего взгляда, и кивнул.

— Да, вижу, точно не надо. Ну тем лучше. Так где ключи? — напомнил о своей просьбе Илья Викторович.

Ладно, отдала. Ценного там ничего нет, ни денег, ни техники, ни тем более драгоценностей. И правда, если я теперь буду жить в общежитии, зачем мне пустая квартира? Сдавать уж точно не хочу, своих средств вроде хватает на жизнь.

— Если продавать будете, деньги мне не забудьте отдать, — тем не менее сочла нужным напомнить о своих интересах.

— Обязательно, — кивнул директор. — Пока учишься, на карточку стипендия начисляется, достаточная, чтобы на жизнь хватало, если шиковать не будешь и на пьянки спускать. Работать будет некогда, — предупредил он. — Вопросы есть?

— Да нет, — пожала плечами.

Со стипендией хорошо, конечно, но у меня и свои средства есть, однако об этом я, конечно, распространяться не стала. Скорее всего, им это и так известно, ну а если нет, будет моим козырем. Кто знает, как сложится учеба здесь, вдруг не приживусь все-таки.

— Отлично. Общежитие рядом, на Байконурской. Вот, держи, — Илья Викторович достал из ящика стола синюю корочку и протянул мне. Оказалось, студенческий билет. — Покажешь коменданту, он определит в комнату. Посмотри расписание и не опаздывай в понедельник, — дал последние наставления директор.

— А ничего, что уже конец октября? — поинтересовалась я. — Занятия-то всюю, я так думаю?

Мужик улыбнулся.

— У нас занятия начинаются по мере комплектации группы. Ты — последняя в своей, значит, у вас с понедельника учеба. Расписание внизу, у тебя первый курс, кафедра экстрасенсорики и биоэнергетики, группа А-1. Возникнут вопросы, обращайся к куратору, в понедельник познакомишься с ним. А да, биб-

лиотека на первом этаже, в правом крыле. И, Соня, — пронзительный взгляд пригвоздил меня к стулу. — Никаких контактов со знакомыми из прошлой жизни или с дядей Мишей. Поверь, я узнаю, если что, и наказание тебе очень не понравится. Забудь про свою прошлую жизнь, — жестко припечатал директор.

Прошлая жизнь... Да не осталось там никого, с кем хотелось бы встретиться. Даже с дядей Мишей не особо и общалась, после смерти родителей тем более. Лучше пусть думает, что я вообще уехала из Питера. Однако оставалось кое-что, недоделанное дело, которое нужно закончить обязательно.

— Мне с Крупиным разобраться надо, — каким-то чужим, скрипучим голосом произнесла я, смело взглянув в глаза директору. — Он моих родителей убил...

— Выучишься — ради бога, — пожал плечами Илья Викторович, не дав мне договорить. — Разбирайся с кем хочешь. До тех пор — никаких вояжей. И не переживай, тебя здесь не найдут.

Почему-то в это поверила сразу. Если уж работники института меня вычислили меньше чем за сутки и даже досе успели собрать, сделать так, чтобы люди Крупина-старшего потеряли мой след, они могут.

— Все, иди, у меня дел много, — махнул рукой Илья Викторович, и я вышла из кабинета, сжимая в руке новенький студенческий.

По пути вниз сфоткала расписание, потом забрала сумку с проходной и вышла на улицу. До Байконурской и четырехэтажного П-образного общежития добралась пешком, благо сумка не тяжелая. Вот тут повеселее атмосфера: курившие на ступеньках крыльца студенты весело галдели, что-то обсуждая, из окон неслась громкая музыка, из магазинчика у входа вываливалась не совсем трезвая шумная компания. Покосившись на них, я поправила сумку на плече и поспешила к проходной. Охранник любезно объяснил, как пройти к коменданту, и я надеялась, что очереди там нет. Внутри общага оказалась на удивление чистой, никаких обшарпанных или исписанных стен, выданных с мясом выключателей. Приятно, что здесь студенты не гадают в том же месте, где живут. Через несколько минут я уже сидела в кабинете перед комендантом.

— Угу... — Пожилой представительный дядечка внимательно изучил мой студенческий, порылся в бумагах и выудил лист. — Софья Александровская, да, есть такая. Вот пропуск, не

теряй, будь любезна, — и мне протянули пластиковую карточку. — Оплата за комнату списывается из стипендии автоматически, сюда же она и начисляется. В холле банкомат, а вообще, можно снять из любого аппарата без процентов. Так, теперь комната, — комендант встал и подошел к большому железному шкафу на стене. Открыл, достал обычный ключ. — Третий этаж, триста пятнадцать, левое крыло. Комнаты на двоих, душ и туалет на каждые две комнаты общие, кухня общая на этаж. Курить можно на лестнице, на улице, в кухне, в остальных местах защита против табачного дыма. Общежитие закрывается в час ночи, открывается в семь утра. Не опаздывать. — Водянистые голубые глаза строго взглянули на меня, и мужик протянул ключ. — Вся мебель в комнате есть, посуда тоже, белье, если нужно, возьмешь у кастелянши в соседнем кабинете.

Я взяла ключ, вежливо поблагодарила и вышла. Через некоторое время, обзаведясь чистым, вкусно пахнущим лавандой бельем, направилась обживать выделенную жилплощадь. Свое потом как-нибудь куплю. Немного пугало, что придется жить с незнакомым человеком, но за последние несколько месяцев в моей жизни произошло столько всего, что такие мелочи не стоили сильных переживаний. Я поднялась на нужный этаж, свернула в коридор и дошла до середины, где располагалась указанная комната. Вставив ключ, открыла дверь, но войти не успела.

— Оу, нашего полку прибыло? — раздался ленивый, тягучий голос справа, и я посмотрела на говорившего.

Прислонившись к стенке около соседней двери, засунув руки в карманы, на меня с небрежной ухмылкой смотрел самый странный тип из всех, когда-либо виденных прежде. Бледная кожа, светлые, необычного для мужчины платинового оттенка длинные волосы, свободно лежавшие на плечах. Прищуренные глаза с белками насыщенного розового цвета и странной, словно выцветшей радужкой с провалом зрачка, узкие губы — в целом, привлекательная физиономия, если присмотреться. Альбиносов я встречала впервые. Тип был выше меня почти на полторы головы, широкоплеч, но при этом с узкой талией, в длинном кожаном плаще, черных джинсах, толстых высоких ботинках на шнуровке и черном свитере. Ну натуральный вампир, клыков только не хватает.

— Новенькая? — Красные глаза заинтересованно оглядели меня, и их выражение мне очень не понравилось.

— Да, — отрывисто сказала я, резко открыла дверь и шагнула в комнату.

Изнутри поспешно вставила ключ в замок и повернула, не став вытаскивать. Да еще так, чтобы выпихнуть его не представлялось возможным. Надеюсь, студенты тут еще не умеют телекинезом пользоваться. Вообще, парни меня не особо интересовали, учитывая мой крайне неудачный опыт с Федькой и компанией, я не горела желанием приобщаться к этой стороне взрослой жизни. Мне и без отношений хорошо жилось. А коли этот беловолосый начнет приставать — откручу хозяйство под корень без анестезии. Надеюсь, его минутный интерес не перерастет во что-то большее, еще от назойливых поклонников отбиваться не хватало.

Стука в дверь, как опасалась в глубине души, не последовало — вот и ладушки. Огляделась и осталась довольна: просторная комната, дверь отгорожена шкафом, за которым две кровати, тумбочки, полки на стенах, стол у окна, современный холодильник и плоский телевизор на стене. Ух ты, нехило тут, однако, финансирование поставлено. Да и мебель не обшарпанная, как можно было ожидать: шкаф-купе с зеркальной дверью, кровати с толстыми ортопедическими матрасами, а не совковые пружинные. Круто, что сказать. Справа от входа еще одна дверь, заглянула в нее — небольшой коридорчик, там располагался туалет и душ. С другой стороны дверь в соседнюю комнату, по всей видимости. Унитаз и раковина не разбитые, в душе смеситель исправный, ничего не течет, в общем, все очень даже прилично на удивление. Я устроилась на кровати, скрытой шкафом, быстренько раскидала вещи, застелила белье и, прежде чем стонять в магазин пополнить запасы, решила немного выдохнуть.

Не успела раскрыть ноут и приятно удивиться бесплатному вай-фаю — надо только номер карточки-пропуска ввести, — как в двери заскрежетал ключ, и я выпрямилась: кажется, прибыла соседка. Раздался сочный мат, сказанный яростным женским голосом, и кто-то пнул дверь.

— Да иду, иду! — громко отозвалась, отложив ноут, и поспешила вытащить ключ.

— Ну ё-мое, наконец-то! — Мимо меня в комнату широким шагом вошла миниатюрная шатенка с длинными волосами ниже плеч и большим рюкзаком за спиной. — Чего заперлась, как будто тут золотой запас страны спрятан?

Я не удержалась и осторожно выглянула в коридор — альбиноса не наблюдалось. Выдохнула, мысленно перекрестилась, хотя махровая атеистка, и снова закрыла дверь. Ну не по себе мне было от этого беловолосого упыря, честно.

— Та-а-ак, и что тут у нас? О, нехило, однако! — Барышня свалила рюкзак на вторую кровать и плюхнулась на матрас. — Ольга Грановская, — протянула она руку, глядя на меня живыми насмешливыми глазами цвета жареных кофейных зерен.

— Софья Александровская, — нейтральным тоном ответила я и пожала ладонь.

Ольга кивнула и встала, начав распаковывать рюкзак.

— Так, давай сразу договоримся: в душу друг другу не лезть, о прошлом не спрашивать, в окно курить по очереди, — заявила соседка, копаясь в недрах рюкзака.

— Да не вопрос, — пожала я плечами. — Я в магаз, питаться отдельно будем или как?

Ольга вынырнула, почесала затылок и пожала плечами.

— Раз живем на одной жилплощади, проще вместе, в общак скидывать и из него брать. Я всякая, так что проблем не будет. Чек принеси, отдам половину.

На том и договорились. До конца дня мы с Ольгой обживались: раскладывали шмотки, болтали потихоньку, осторожно прощупывая общие темы, попутно выяснили, что будем учиться в одной группе. Пару раз, когда выходила в коридор, я замечала маячившего поодаль альбиноса, но он не приближался, просто наблюдал. Нервировало, однако. Поставила себе галочку выяснить, в какой комнате живет, и обходить ее десятой дорогой. Мало ли что...

Готовила вечером Ольга, а я уползла в душ.

Думала, сюрпризы на сегодня закончились, ан нет: когда наконец вылезла обратно, в маленьком коридорчике наткнулась на противного альбиноса, стоявшего у стенки и с ухмылочкой пялившегося на меня.

— Опа, какая приятная встреча. — Светлая бровь изогнулась, а красные зенки медленно и с удовольствием оглядели меня. — Соседями, значит, будем.

— Полезешь — яйца оторву, — хмуро известила я, чтобы сразу расставить точки над «ё», и поспешила в свою комнату.

Слава безымянным проектировщикам, с нашей стороны кроме замка имелся банальный крючок, и уж его-то, думаю, телекинезом не вытащить. По крайней мере, судя по виду, альбиносу не больше двадцати с небольшим, и скорее всего, он вряд

ли на выпускном курсе учиться, а значит, можно спать спокойно.

На следующий день Ольга умотала до вечера куда-то, а я просидела в комнате, питаюсь весь день «дошираком» — благо чайник электрический в комнате стоял, а канистра с чистой водой под столом. Стрёмно было в коридор выходить, еще наткнусь на этого беловолосого. Хватило того, что утром зубы чистить шла, как заправский партизан, на цыпочках, чутко прислушиваясь к малейшему звуку за второй дверью. Короче, пока не научусь пользоваться собственными способностями, буду всеми силами держаться от альбиноса подальше. Я реально оценивала свои возможности, и вздумай он чего предпринять в отношении меня, едва ли отмахуюсь. Лучше не провоцировать.

Понедельник начался, как обычно, с будильника и сонного матерка Ольги.

— Тебя предупреждали, что с прогулами тут строго? — зверски зевнув, произнесла она и сползла с кровати. — Мне сказали, если без уважительной причины, такой пистон вставят, замучаешься выковыривать.

Я пожалала плечами и, включив чайник, захватила полотенце.

— Значит, не будем прогуливать. Пошли зубы чистить.

Столкнувшись в коридоре с выходящим из сортира альбиносом, я только скользнула по нему сумрачным взглядом, не отреагировав на подмигивание, и заползла вслед за Ольгой в душевую, где и раковина была. То, что этот извращенец беловолосый щеголяет тут голым торсом и приспущенными спортивными штанами, меня абсолютно не возбуждает. Хотя соседка, разом проснувшись, присвистнула и демонстративно облизнулась. Альбинос и бровью не повел, захлопнув дверь, а мы приступили к чистке зубов и перышек. Через сорок минут, зевающие и хмурые, выпали из общежития с толпой остальных студентов и почесали к главному зданию. Предстоял первый учебный день.

Поскольку расписание мы уже знали, то потащились с Ольгой на третий этаж, в нужную аудиторию. Первой парой стояла теория по экстрасенсорике, потом лекция по общей психологии и третье что-то несусветное — демонология. Вот не вру, ей-богу! Не, ну понимаю, там, привидения, духи, нечисть разная, но про демонов мне не говорили! Но это еще не все. После часового перерыва стояла физподготовка, аж две пары. И это только понедельник... Позевывая и разглядывая таких же сонных и взлох-

маченных согруппников, мы ввалились в аудиторию и расселись: всего оказалось пятнадцать человек, возраста примерно от восемнадцати до двадцати одного, по половому признаку почти пополам, шесть девчонок и девять парней. Мы с Ольгой заняли середину ряда, решив, что ни в ботаники на первой парте, ни в отстающие на камчатке записываться не хотим.

Ровно в девять дверь в аудиторию распахнулась, и в помещение стремительным шагом вошел высокий подтянутый мужчина с квадратной челюстью и колючими глазами. Остановившись за кафедрой и заложив руки за спину, он обвел нас пристальным взглядом, задерживаясь на каждом несколько секунд. Когда его рентгеновские гляделки нашли меня, казалось, мужик мгновенно просканировал сознание, залез в самые темные уголки, безжалостно высветил их и как следует встряхнул. Я чуть не взвыла и с трудом подавила желание залезть под парту. Пшеничного цвета брови чуть поднялись, и взгляд препода стал заинтересованным, но он ничего не сказал, оглядев остальных. Тут дверь снова открылась, и на пороге аудитории появился... Пришлось спешно зажать ладонью рот, потому что с языка просилась парочка совершенно непечатных выражений.

— Доброе утро, Семен Николаевич, — бодро поздоровался альбинос и широко улыбнулся, вытянувшись и коротко наклонив голову. Сзади раздался тихий восхищенный вздох, я покосилась, — кто это у нас с такими нестандартными вкусами к мужчинам, — оказалось, рыженькая пышечка с большими серозелеными глазами и пухлыми губками. — Простите за опоздание, зачетки забирал у секретаря.

Семен Николаевич чуть заметно поморщился.

— Верден, — отрывисто произнес мужик. — Ладно, проходи.

Я тихо зашипела сквозь зубы и уткнулась лицом в сгиб локтя. Эй, там, наверху, это слишком жестокая шутка! Не хочу с этим типом три года тут куковать! Не зря же моя интуиция сиреной исходила при виде этого Вердена, а ей я привыкла доверять. Альбинос опасен лично для меня.

— Охренеть, — вполголоса прокомментировала Ольга. — Это наш сосед со слюноотделительным торсом, что ли? Эй, мать, кончай демонстративно лебедь изображать. Что он успел тебе сделать?

— В том-то и дело, что ничего... пока, — угрюмо проворчала я, приподняв голову и наблюдая за Верденом прищуренными глазами.

Кто б сомневался, взгляд красных гляделок почти сразу нашел меня, и альбинос уверенно направился к нашему ряду.

— Какой приятный сюрприз, Софья Александровская, — негромко произнес этот вампир недоделанный, усевшись рядом, и небрежным жестом пододвинул в мою сторону две зачетки. — Будет у кого лекции списывать, если что.

Я молча показала ему средний палец и демонстративно отвернулась.

— Итак, — подал голос препод, — как уже слышали, меня зовут Семен Николаевич, а молодой человек с выдающейся внешностью — ваш староста, Тим Верден.

Твою дивизию, он еще и староста.

— Я ваш куратор, — продолжил мужик. — Экстрасенс высшей категории, биоэнергетик, буду у вас вести теорию и практику по этим предметам. Прогулы оправдываются только справкой из морга. — Он еще раз обвел нас глазами. — И учтите, я пробью любой блок, врать мне не рекомендуется. Завтра на семинаре пройдете тесты, определим уровень ваших способностей. Теперь достали тетради, записали число и тему: «Классификация экстрасенсов. Определение экстрасенсорики в общ. Основные способности каждого класса»...

И понеслась. Я забыла про присутствие рядом Вердена, еле успевая записывать за Семеном Николаевичем, весь сон как рукой сняло. Ольга тоже усердно строчила, иногда вставляя едкие комментарии по поводу отдельных фраз препода. В конце пары староста раздал всем зачетки, и нам объяснили, что обычных сессий тут нет, а зачеты и экзамены сдаются по мере изучения курса предмета. Так что через три недели сдавать зачет по теории экстрасенсорики... Я тихонько взвыла, с ужасом глядя на пять исписанных листов за одну пару. А занятия четыре раза в неделю. Теоретические. Семинары, слава богу, стояли всего два раза.

Когда куратор милостиво махнул рукой, окончив пару, я дождалась, пока Верден с нарочитой ленцой выберется, и рысью потрусил к следующей аудитории, на психологию. Ольга за мной. Препода — живенькая сухонькая старушенция с совершенно седыми кудряшками и в больших квадратных очках — мне понравилась, и ее манера излагать тоже. Она оказалась экстрасенсом класса В: сверившись с записями предыдущей лекции, выяснила, что Маргарита Александровна умеет влиять на эмоции, сканировать память, определять болезни внутренних органов, взламывать блок более слабых экстрасенсов,

соответственно экранировать мысли и немножко гипнотизировать. Любимой присказкой этой дамы оказалось «судари и сударыни», и она во время лекции имела обыкновение замирать на пару секунд, словно задумавшись, а потом снова сыпать терминами и объяснениями. Верден и здесь сел рядом, только хитрая я посадила с краю Ольгу, а сама забурилась с другой стороны, чтобы не отвлекаться и не дергаться от близости альбиноса.

Демонология оказалась в действительности чем-то вроде биологии, только потусторонних существ: привидений, вампиров, зомби, духов, и... демонов. Классификация, способности, признаки... Информация лилась щедрым потоком, а вел этот предмет ну просто красавец-мужчина: высокий, темноволосый, с орлиным профилем и низким бархатным голосом — Олег Павлович. Девчонки пустили слюни, все, кроме меня, и даже Ольга пробормотала что-то про свое вострепенувшееся либидо, сбросившее пыль веков. Плюс еще четыре исписанных страницы за одну лекцию, и экзамен через месяц: дальше вместо теории начиналась практика по способам ловли всего этого зверинца. Голова пухла и трещала, но, к собственному удивлению, я поняла, что мне интересно, и очень. Пропускать вряд ли буду, даже если с бодуна и не спамши. Прорезалось природное любопытство, да еще и сдобренное доказательствами, что все это не выдумки, раз серьезные люди преподают такое в серьезном заведении.

На обед сбегали домой, удачно свалив от Вердена с его предложением проводить, и вернулись к физкультуре, в спортзал.

— Здорóво, орлы и орлицы. — Ничем не выдающийся мужик, разве что широкоплечий и тоже высокий, оглядел наш строй насмешливым взглядом. — Меня Георгий Натанович зовут, можно просто дядь Жора. Ну что, будем делать из вас командос?

Кто-то из девчонок испуганно ойкнул, физрук заржал и милостиво пояснил:

— Так, не дрейфить, сейчас разминка, бег, отжимания — парням турник, девчонкам — скамейка, потом пресс. Потом тир, пневматика. И не хрен морды вытягивать, кто вам в руки даст нормальный пистолет, пусть даже с холостыми?! — Дядь Жора фыркнул. — Вы ж друг другу в задницы как понастреляете, а выковыривать потом кому?! — В строю раздались сдержанные смешки, кто-то из девчонок даже покраснел. — Пока

десять пулек в десять банок не загоните, никакого настоящего оружия! На следующей неделе начнем азы рукопашки и теорию по стрелковому. Зачет по ней сдаете мне через три недели, потом по стрельбе, потом начинаем практику по стрелковому настоящему и теорию по холодному. Ну и учимся грамотно драться. Вопросы? Нет? Тогда бегом марш!

...Вечером я пришла измочаленная и с дергающимся глазом: две пары физкультуры добила окончательно. Если так будет каждый день, к концу недели от меня останется только тень. А еще конспекты почитать надо, Николаич предупредил, что завтра устроит блиц-опрос в начале пары...

Утро повторилось до деталей: полураздетый Верден, бодрая до неприличия Ольга, похабно подмигнувшая соседу, за что удостоилась ленивого оценивающего взгляда, и хмурая, невыспавшаяся я, злобно зыркнувшая на альбиноса. По-моему, он дебил, раз не понял, что его мускулистый торс меня ни разу не цепляет. Ну да ладно, не лезет, и то хорошо.

Позавтракав, мы потопали в институт в сопровождении старосты, нагло ждавшего нас около двери. Я сделала морду кирпичом, Ольга весело хмыкнула, альбинос довольно оскалился в улыбке. Девчонки из нашей группы, да и остальные, проходившие мимо, косились на Вердена с конкретным интересом, а он делал вид, что не замечает. Позер хренов.

На вторник расписание осталось то же, только очередность пар поменялась: демонология первая, психология вторая, экстрасенсорика третья и неизменная физкультура после обеда. На экстрасенсорике, как и обещал, Николаич после блиц-опроса, на котором я вроде не облажалась, устроил тестирование. На кафедре лежали руны, большой хрустальный шар, разноцветные камушки, несколько колод Таро, стояла горящая свеча и блюдце с водой. Народ зашептался, заинтересованно косясь.

— Итак, — препод прошелся перед кафедрой, — сейчас по одному проходим и слушаем мои инструкции, выполняем их, после снова лекция. Завтра тестирование продолжится на семинаре по медитации.

Мм, йогой, что ли, заниматься будем? Группа зашепталась с новой силой, а Николаич начал вызывать по списку. Я пошла первая.

— Закрой глаза, — негромко скомандовал куратор, сверля меня взглядом, и я послушно зажмурилась. — Возьми то, к чему потянет. Слушай интуицию.

Прислушалась и с удивлением поняла, что вижу предметы на столе, как разноцветные сгустки... энергии? Хрен знает. Руны светились холодным голубым светом, камешки — разноцветными шариками, шар сиял ослепительно-белым, карты мягко переливались разными оттенками красного, а свечка ярко желтела с самого края. Мои руки, не задумываясь, потянулись к одной из колод, пульсировавшей насыщенным багровым цветом, и едва пальцы коснулись гладкой поверхности, меня неслабо тряхнуло, будто разрядом тока. Я ойкнула и распахнула глаза, отдернув конечности. Николаич поднял брови, смерив меня заинтересованным взглядом.

— Любопытно, — обронил он. — Ну возьми, давай.

Я с опаской снова потянулась к колоде, и на сей раз никаких неприятных ощущений — потертый картон был приятным на ощупь, пальцы плотно обхватили стопку, удобно легшую в ладонь. От карт исходило ровное тепло, как будто от нагретого солнцем камня.

— Так, — Николаич склонил голову, блеснув глазами. — Забирай, забирай, твое теперь. Еще что-то?

Я с сомнением оглядела остальное, и взгляд зацепился за сферу. Прежде чем успела понять, что делаю, осторожно провела пальцами по гладкому стеклу — или хрусталу? — и внутри вдруг закрутился маленький вихрь из белого тумана. О? Моргнула, снова нежно погладив шар. По вихрю пробежала радужная волна, и перед глазами вдруг пронеслась картинка: полутемное помещение, я, прижатая к стенке, и нависший Верден со слегка светящимися глазами и плотоядной ухмылкой, его лицо в считанных сантиметрах от моего. Ай! Отдернула пальцы, тряхнув головой, вдоль спины пробежал холодок. Что за шутки?! Сфера очистилась, став снова прозрачной.

— Офигеть, — емко выразился Николаич, его брови взлетели до уровня волос. — Способности к ясновидению налицо. Причем сильные, раз сфера отозвалась без всякой настройки. Девочка, ты меня радуешь, — довольно улыбнулся он. — Завтра проверим твой уровень. Грановская! — выкрикнул он фамилию соседки. — Сонька, шар возьми, — это уже мне.

Я с некоторой опаской снова прикоснулась к сфере, но ничего не произошло, слава богу. Увиденное пару минут назад давало покоя: это что, Верден таки перейдет к активным действиям? На фига я ему сдалась, интересно? В любовь с первого взгляда не верю, альбинос ни разу не нежный романтичный выюноша, падкий на мелких, вечно всклокоченных селедок, со-

стоящих из одних коленок и локтей, как я. Просто трахнуть хочет? Хм, так к его услугам целая общага на все готовых студентов, особо не обремененных моралью и строгим поведением. Или любит трудности — укрощать недотрог? Извращенец чертов, надо вдобавок к баллончику с газом обзавестись плоскогубцами: предупредила же, что без хозяйства оставлю, если грабли протянет. Ладно, теперь буду вдвойне осторожной.

Ольге приглянулась свечка, и больше ничего: она налила воск в блюдечко, с интересом пялилась на него несколько минут, потом хмыкнула и почесала в затылке, стрельнув в Вердена задумчивым взглядом. Э? Это что она там увидела? Интересно, если спрошу, расскажет или нет, или придется усмирять нездоровое любопытство? Николаич кивнул и посоветовал Ольге запастись толстыми свечами из воска. Соседка тоже кивнула и вернулась на место.

— Ты чего там увидела? — вполголоса спросила я, краем глаза наблюдая за Верденом, топтавшимся у кафедр.

Николаич достал еще одну сферу взамен утащенной мной и поставил на стол; колод Таро оставалось три штуки.

— Ну, — Ольга почесала переносицу, — Вердена, — ответила и замолчала.

— И? — подтолкнула я, изнывая от нетерпения. — Его профиль, что ли, на воске?

Если бы не хотела говорить на эту тему, сразу бы сказала, а так, раз начала, то пусть уж договаривает.

— Да не, не на воске, — задумчиво протянула соседка. — Воск в какую-то бесформенную фигню вылился, но я посмотрела, и прямо четко так увидела картинку... — Она снова замолчала, и, к моему удивлению, я заметила на ее щеках легкий румянец — засмущалась, что ли?

— Да не мнись уже, — любопытство нетерпеливо грызло изнутри, — что за картинку?

— Мы с ним целовались, — глубокомысленно изрекла Грановская и зависла.

Я чуть не заржала самым неприличным образом. Я-то было подумала, что нечто совсем уж непотребное, вроде свадебного кортежа или вообще совместных детей. А тут всего лишь поцелуй.

— А нечего бросать на него такие красноречивые взгляды, как утром, — давясь хихиканьем, прокомментировала я. — Такие, как он, воспринимают их однозначно, в меру своей испорченности.

— Да фиг знает, я думала, он на тебя запал, — огорошила она ответом.

— Э? — Я уставилась на нее с недоумением. — Это ты с какого такого потолка взяла? — озадаченно поинтересовалась у Грановской, искренне удивленная таким заявлением.

— Да ладно, Сонь, — усмехнулась излишне проницательная Ольга. — А то я не вижу, как он на тебя смотрит и чуть не облизывается.

— Иди в сад, а?! — Я поежилась. Альбинос тем временем выбрал руны. В момент, когда я на него неудачно посмотрела, наши глаза встретились, и он ухмыльнулся, как кот, налопавшийся сметаны. Что этот крендель там увидел в своих костяшках?! — Вот посмотри на меня и скажи, чего такого он во мне нашел? — Я выразительно оглядела себя.

— А это ты его спроси, — отозвалась Ольга и пожала плечами. — Мужики вообще странные создания. Но факт остается фактом, Верден на тебя стойку сделал. — Она уже откровенно ухмылялась.

— Меня этот факт крайне удручает, — пробормотала я, уткнувшись в лекции — альбинос подходил к нашей скамейке.

Ольга неопределенно хмыкнула и тоже замолчала. Верден плюхнулся рядом, его рука змеей скользнула на спинку в опасной близости от моих плеч.

— Одно лишнее движение, в глаз дам, — равнодушно сообщила я, резко подавшись вперед и облокотившись на парту.

— Глаз лучше убрать, — вкрадчиво ответил вампир недоделанный, и я почувствовала, как его взгляд буквально обжег меня.

Если думал смутить, пошляк хренов, не на ту напал.

— Ничего, до уха тоже дотянусь, — невозмутимо ответствовала я.

— Потом поговорим, — лениво отозвался Верден.

Сам с собой говори, Казанова красноглазый. Дальше все пошло как обычно: ворох информации на пять с половиной страниц, вопросы на следующую лекцию, перерыв — и физкультура. Я не отлипала от Ольги, она только понимающе хмыкала, но от шуточек воздерживалась. Верден крутился поблизости, нервируя взглядами, но не пытался подобраться поближе — и слава богу. День второй прошел...

На следующий день медитация стояла первой парой. По пути в институт несколько девчонок открыто попытались подкатить к Вердену. Он нагло флиртовал с ними, и я тихо радова-

лась, надеясь, что парень переключится на более доступный объект и замыкание в его мозгах рассосется. Ага, с разбегу, конечно: оказывается, этот спектакль был рассчитан на одного зрителя, ибо в процессе альбинос откровенно поглядывал на меня, следя за моей реакцией. Ну я постаралась не разочаровать его. Нахально ухмыльнувшись, подмигнула и показала большой палец, мол, так держать, милоч, правильной дорогой идешь, товарищ. К моей досаде, Верден не растерялся и как ни в чем не бывало следующую попытку познакомиться, предпринятую высокой брюнеткой с грудью четвертого размера, просто проигнорировал отвернувшись. Да что ж этому придурку надо от меня?! Может, действительно поговорить начистоту и довести до его сведения, что мне не нужны никакие отношения вообще ни с ним, ни с кем другим? Желательно при свидетелях — в присутствии той же Ольги, например.

Мы ввалились в небольшую аудиторию, рассчитанную человек на двадцать — двадцать пять, и устали на преподавательский стол, за которым уже ждал Николаич — это он медитацию тоже будет вести? Ну, клево, мужик мне нравился. Перед ним лежала колода больших карт, и я почему-то знала, что это не Таро.

— Так, — обвел он нас взглядом. — Сначала теория, чтоб тренировались, потом по одному подходим ко мне. — Он встал и прошелся перед нами, заложив руки за спину. — Значится, для контроля ваших способностей и их усиления требуется сосредоточенность и умение не обращать внимания на происходящее вокруг, иными словами, концентрация, — Николаич поднял указательный палец. — Если думаете, что это просто, то глубоко ошибаетесь, — усмехнулся он. — Упражнение первое, контроль дыхания. — Я строчила как заведенная, записывая за ним. С каждым днем мне все больше нравилось в этом заведении, несмотря на некоторый скепсис в самом начале. — Закрываем глаза и делаем глубокие вдохи-выдохи на счет раз-два-три, считаем про себя. Вдох равен выдоху, дышим полной грудью, ритм у каждого свой, поехали. — Николаич остановился. — Руки перед собой, пальцы соединить. И слушаем свое дыхание, сосредотачиваемся на нем.

Мы дружно отодвинули конспекты, зажмурились и старательно засопели. Поскольку тут стояли обычные парты, все сидели по двое, правда, красноглазый староста устроился за моей спиной, но сейчас это совершенно не мешало. Глаза-то у него закрыты.

— Хорошо, дышим-дышим, я все вижу! — предупредил Николаич. — Засаею время, должны продержаться в таком ритме не меньше десяти минут. Кто собьется, начинает сначала. А теперь по одному ко мне. Учтите, схалтурить не удастся!

Да кто б сомневался. Я почему-то поверила ему сразу.

— Александровская, — прозвучала моя фамилия.

Прервала упражнение, села к его столу.

— Значит, так, — негромко начал Николаич, зорко поглядывая на дышащих студентов. — Показываю карту, пытаешься угадать, что на ней. Говоришь первое, что приходит в голову, на раздумья не больше двух секунд. — Он подвинул к себе листок с пустой таблицей и моим именем. — Поехали.

Он поднял первую карту. Я, особо не надеясь на успех, посмотрела на полосатую рубашку, и вдруг перед глазами четко появились две горизонтальные линии.

— Две полоски, — ляпнула я. Кто-то за спиной тихо заржал, Николаич только взглянул, нахмурившись — раздалось ойканье, и смех стих.

Молча перевернув карту, он продемонстрировал мне толстые линии и поставил плюстик в таблицу. Взял вторую, я увидела треугольник. Снова в точку. При этом Николаич не забывал контролировать остальных и время от времени называл ту или иную фамилию, что значило — требуемые десять минут не выполнены. Когда я безошибочно назвала пятую по счету карту, за спиной уже отчетливо раздавались тихие матюги сбивавшихся одноклассников.

— Так, — Николаич расписался на листочке и отложил его, — Александровская, класс В. Неплохо для начинающей, — похвалил он и милостиво пояснил: — У большинства едва на А набирается на первом курсе, а у тебя еще и потенциал нехилый. Свободна.

Я вернулась на место и занялась дыханием. Мне сразу легко задыхалось в знакомом ритме, звуки постепенно словно отодвигались, и я прямо чувствовала, как воздух входит в легкие, наполняет их и потом плавно выходит. По коже пошли странные, но скорее приятные покалывания, и я отключилась от реальности, полностью уйдя в размеренный ритм. Это первое, чему научилась, когда поняла, что обладаю не совсем обычными способностями.

— Александровская! Первые очки на класс С, поздравляю, — вырвал из нирваны громкий голос Николаича. — Пятнадцать минут, ну надо же. — Я распахнула глаза и уставилась

на ехидную усмешку куратора. Со всех сторон раздались удивленные шепотки, и кто-то даже тихо присвистнул. — Где тебя нашли, уникам? — с интересом спросил он, окинув меня взглядом.

Я пожала плечами, ужасно довольная похвалой, но постаралась не показать эмоций.

— Да так, — небрежно ответила и добавила: — Я знаю это упражнение, тренировалась в свободное время, еще до зачисления сюда.

Николаич крикнул, пошевелил бровями и что-то пометил на моем листочке.

— Продолжаем, продолжаем! — прикрикнул он на притихших студентов.

— Мм, Сонька, да ты самородок, — мурлыкнул за спиной негромкий, довольный голос альбиноса. У него оказался стандартный для всех поступавших класс А, что меня обрадовало донельзя — то, что я сильнее его по способностям, повышало мои шансы отделаться от наглого альбиноса. — Возьмешь в ученики?

Молча показала через плечо средний палец и вернулась к дыханию. Успокаивало, знаете ли.

Протестировав остальных, Николаич хлопнул в ладоши, прекратив упражнение. Кроме меня из шестнадцати человек в требуемые десять минут уложились только трое, и, к моему сожалению, Верден был среди них. Ольга осилила пять минут, что тоже было неплохо.

— Дома перед сном тренироваться каждый день, — категорично заявил Николаич. — Теперь на каждой лекции буду проверять в начале.

Кто-то сдавленно застонал.

— Следующее упражнение, — невозмутимо продолжил препод. — Расслабляем мышцы. В идеале его надо выполнять лежа, но это тоже дома, — что показательно, ни одной шутки не последовало. Николаич зарекомендовал себя хорошо в плане дисциплины. — Сейчас сели поудобнее, — народ задвигался, я откинулась на спинку стула, положив руки на колени, — почувствовали свое тело, от лица до кончиков пальцев на ногах... — Голос Николаича приобрел глубину, стал низким, тягучим. — Начинаем с лицевых мышц... — пауза. — Шея, затылок... вы чувствуете каждую мышцу, она становится мягкой... податливой... невесомой... — снова пауза. — Плечи, грудь... дыхание, раз... два... три...

И снова знакомое мне упражнение, я давно его перед сном делала. Подчиняясь дыханию, мышцы расслаблялись одна за одной, как по цепочке. Тело перестало чувствоваться, звуки снова отодвинулись, и вокруг меня образовалась пустота. Голос Николаича затих, перейдя в шепот, и вдруг темноту перед глазами расцветили яркие всполохи: удивление рванулось, грозя нарушить концентрацию, я на автомате жестко подавила ненужную сейчас эмоцию, сосредоточившись на дыхании. Ух ты, кажется, я вижу ауры! В основном белого цвета, неровные по краям и там же окрашенные у кого в зеленоватый, у кого в голубой, а у кого-то в насыщенный синий. Еще попадался красный и желтый. Эмоции? Наверное. Николаич переливался темно-зеленым с вкраплениями красного. Я засмотрелась, и когда неожиданно аура препода направилась ко мне, перепугалась — вдруг что-то не то делаю?!

— Александровская! — гаркнул он, я вздрогнула, чуть не подскочив, и уставилась на него ошалелыми глазами. Взгляд Николаича вперился в меня, просвечивая словно рентгеном. — Ты вот что сейчас учудила, самоучка?! — грозно спросил куратор, уперев руки в бока и нахмурившись.

— Э... а что? — робко поинтересовалась, хлопнув ресничками.

— Ты что на первом курсе делаешь, Сонька? — ворчливо буркнул препода, заложив руки за спину, но его взгляд выдавал настоящие эмоции Николаича — он был очень доволен. — Ауры видеть начинают хорошо если к середине первого, а то и к началу второго! — пояснил он, видя мои удивленно поднятые брови.

Студенты зашушукались, поглядывая на мою скромную персону, а я почувствовала себя неуютно от такого пристального внимания и поежилась. Взгляд Вердена прожигал дырки в спине, и даже гадать не хочу, какие мысли бродят в его голове насчет меня. И как потом с последствиями этих мыслей бороться.

— Я стрелять не умею, — брякнула первое, что пришло в голову.

Народ нервно заржал, и у меня тоже вырвался смешок.

— Стрелять. — Николаич вздохнул и покачал головой, потом проворчал: — Боюсь представить, что ты в тире будешь творить с такими способностями. Так. — Он подумал и решительно заявил: — Составлю для тебя индивидуальную программу обучения, после физкультуры зайдешь ко мне в кабинет, — ог-

лянулся на остальных студентов, ловивших каждое слово, и я тихонько перевела дух. — Чего сидим, кого ждем? — бодро поинтересовался Николаич. — До конца пары еще двадцать минут, живо дышать и расслабляться!

— А в туалет можно? — пискнула рыженькая пышечка, кажется, Наташа.

Препоод поднял брови.

— Иди, расслабь хотя бы сфинктеры, — милостиво кивнул он. — Раз все остальное пока плохо получается.

По классу снова пронесся смешок, но стих, едва Николаич обвел всех пристальным взглядом. Народ послушно закрыл глаза и задышал, настраиваясь на упражнение.

— Соня-а-а-а-а, — раздался за спиной протяжный, негромкий голос Вердена, и захотелось повернуться к нему и съездить в ухо. Ну так, для профилактики. — Какой ты разносторонний человек, оказывается.

Да блин-компот, достал, а! На способности мои, значит, запал? Вампир, что ли, энергетический? Чуть повернула голову, скосив на старосту взгляд.

— Донором не буду, — кратко ответила, остро сожалея, что не знаю, как сделать расстройство желудка.

Ускорять физиологические процессы в организме и устраивать всякие болячки — это для меня пока высший пилотаж, хотя читала, что сенсы и такое могут.

Послышался довольный смешок:

— Зачем мне донор? Мне хороший напарник нужен после института, чтоб работать легче было, — невозмутимо ответил белобрысый приставала.

От его слов я чуть не поперхнулась вдохом. Работать? С ним?! Бегу и тапочки теряю, как же. Вот если бы он вел себя по-человечески и не делал неприличных намеков при каждом удобном случае, я бы, может, и подумала. А так... Ясен пень, что этот извращенец лелеет планы затащить меня в постель помимо использования моих способностей в работе. Вот спрашивается, на что так запал, на мои кости, что ли? Я объективно отношусь к себе, и хотя не дурнушка, но и не красотка, которой вслед оборачиваются. Так, совершенно среднестатистическая внешность.

— Губозакаталку подарю на Новый год, — хмыкнула я и отвернулась.

— Верден, разговорчики! — прикрикнул Николаич. — Работай давай!

А я, когда белобрысый затих, задумалась, благо упражнение больше не надо было делать. Альбинос заметил меня еще в общаге в самый первый день, когда о моих способностях не знал. Значит, не только они все же привлекли? Или он тоже умеет видеть ауры, только тщательно скрывает это, и сразу заметил мой потенциал? Не зря же моя интуиция сработала на минус, когда только увидела его. Ой, непрост этот Верден, далеко не прост. И почему у меня стойкое ощущение, что я еще огребу от него по полной и во всех смыслах? А ведь куратор наверняка должен знать наши досье, аналитический отдел института работает прекрасно, как я убедилась на личном опыте. Попробовать, что ли, вечером узнать у Николаича, кто такой этот Тим Верден? А расскажет ли, вот в чем вопрос. Может, прошлое студентов — под грифом «совершенно секретно». Хотя можно поделиться подозрениями... И что еще умеет красноглазый? Вдруг и мысли читать?! Паранойя заскреблась коготками по сердцу, я испуганно покосилась через плечо. Так, пожалуй, надо попросить Николаича научить закрываться, раз для меня будет индивидуальная программа обучения.

До конца дня Верден больше не приставал, продолжая только издалека наблюдать, и я едва дождалась окончания физры, изнывая от нетерпения, даже усталость от зверствовавшего дяди Жоры отступила на второй план. Освежившись под душем и переодевшись, рысью рванула к Николаичу. Постучалась, открыла дверь.

— Можно? — вопросительно посмотрела на хозяина кабинета.

— Заходи, заходи. — Куратор поднял голову от бумаг и кивнул на стул. — Садись, Сонька Золотая Ручка.

Я села, стрельнув глазами в бумаги — оказывается, мое досье. Значит, угадала.

— Итак. — Он откинулся на спинку, скользнув по мне задумчивым взглядом. — Я так понял, твои способности активизировались совсем недавно, да? — уточнил Николаич на всякий случай.

— Ну-у-у... — протянула я, отведя глаза. — Летом. После выпускного, — кратко ответила — читал же бумаги, зачем спрашивать.

— Да нет, — покачал он головой. — Там больше эмоций было и спонтанного всплеска, потому и получилось у тебя, я считал. То, что самостоятельно тренироваться стала, молодец, — похвалил он, и стало приятно. — Там, на трассе, тебя нехило

тряхнуло, потому наши и засекали, они как раз по таким всплескам и ищут таланты. — Николаич усмехнулся. — Ты в курсе, что мозги сварила тому типу в джипе? За одну минуту? — огорошил он меня следующей порцией шокирующих сведений.

К-как сварила?! Я икнула, представив картину, и желудок скакнул к горлу, я едва справилась с волной горечи.

— Это покруче, чем сердце остановить, — продолжил препода. — Так что отправной точкой можно считать тот день, потому тебе сейчас все так легко дается всего лишь с третьего дня обучения. — Николаич внимательно посмотрел на мое обескураженное лицо. — Твои способности подстраиваются под тебя, получив толчок, такое бывает от сильных потрясений, но довольно редко, — разъяснил он ничего не понимающей мне.

— Я жить хотела, — тихо ответила, вспомнив тот кошмарный день. — Но я ничего не помню... — растерянно добавила, покосившись на него.

— Блок, — кивнул Николаич. — Такое тоже бывает, защитный механизм психики. Снять хочешь? — осведомился он, и я отчаянно замотала головой — не хочу знать, что тогда произошло, совсем не хочу. — Хорошо, оставим. Так, медитацией каждый день заниматься, лично проверять буду, — строго сказал он, приступив к основному вопросу нашей встречи. — К завтрашнему утру напишу список книг, возьмешь в библиотеке. Раз ауры уже видишь, учи спектры, они от эмоций зависят. Потом будем учиться влиять на эти самые эмоции. Да, кстати, ауры вампиров и сильных магов тоже имеют отличия, считаешь, — добавил Николаич, закрыв папку с моим досье.

— Маги тоже есть? — удивилась я.

— А то, — кивнул Николаич. — И темные, и светлые, всякие, это со всеми на лекциях будешь проходить. По медитации разрешаю пропускать, — на его губах снова мелькнула усмешка, — но зачет сдаешь мне лично через две недели, к дыханию и расслаблению — отключение внутреннего диалога, — он внимательно посмотрел на меня. — Пробовала?

Я кивнула, вспомнив свои самостоятельные упражнения.

— Максимум три минуты, — призналась и с сожалением вздохнула.

— Придумай точку концентрации. — Николаич откинулся на спинку стула. — Что угодно, на чем можно сосредоточиться — звук, предмет, который в руках крутить можно, или представь что-нибудь перед внутренним взглядом. Подсказывать не буду, сама нащупай, у каждого это индивидуально. Засекай

время, к зачету от момента дыхания до отключения диалога должно пройти не более двух минут. Как цепная реакция, понимаешь? — объяснил он, и я снова медленно кивнула, внимательно слушая. — В идеале одновременно с дыханием должны начать мышцы расслабляться, и потом внутренняя речь отключаться. Методичку возьмешь, думаю, справишься.

— Хорошо, — коротко ответила я, не сводя с него взгляда.

— Как освоишь, пойдём дальше. — Николаич помолчал, задумавшись ненадолго. — Ещё почитай теорию гипноза, следующее осваивать будем копание в мозгах. — Он соединил пальцы, глянув на меня, в глубине его глаз блеснули веселые искорки. — Вообще-то это во втором полугодии начинают проходить, но мне кажется, у тебя пойдет.

— Семен Николаевич, — тихо произнесла я, все-таки решившись спросить, — а... можно вопрос?

— Ну? — Брови куратора поднялись.

— Почему Вердена назначили старостой? Он ведь по силе не выделяется среди остальных, — быстро, пока не растеряла храбрости, проговорила я.

Препоод потер подбородок, покосившись на меня со странным выражением во взгляде.

— Как экстрасенс — да, — наконец ответил он. — Его потолок — класс В, ну, может, через пару-тройку лет и до С доползет, если будет усиленно тренироваться. Но он хороший рунный маг и ясновидящий в третьем поколении, плюс по личным качествам явный лидер. Потенциальный командир ячейки, если быть совсем точным. Способности студентов не являются секретом, потому и отвечаю, — счел нужным пояснить Николаич.

У-у-у. Я скисла. Тогда да, допускаю, что он меня еще при первой встрече прощупал и что-то почувствовал. Вот черт, кажется, я попала по самые помидоры.

— А почему спрашиваешь? — под пристальным взглядом Николаича стало неуютно.

— Мм, ну, — замаялась, — мне показался странным его столь явный и настойчивый интерес ко мне с первых же дней знакомства, — как можно более обтекаемо выразилась я, пряча взгляд.

Высказывать взрослому мужику сомнения в собственной привлекательности для парней показалось не совсем удобным и приличным. Куратор усмехнулся — и почему мне кажется, что он догадался о моих мыслях?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ИНСТИТУТ	10
Часть вторая. ГОРОДСКИЕ ДЖУНГЛИ	249
<i>Эпилог. Жизнь</i>	469